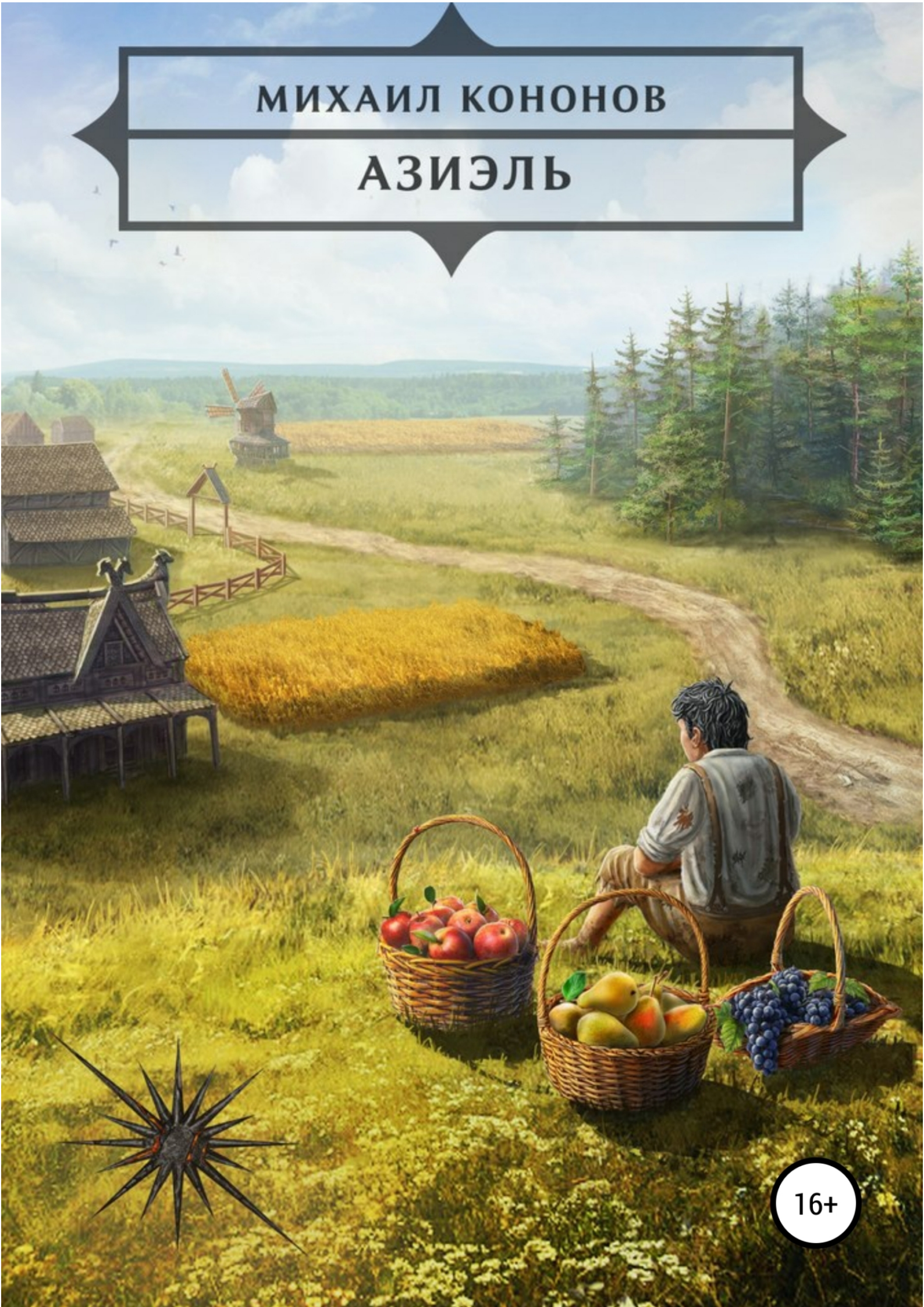

МИХАИЛ КОНОНОВ

АЗИЭЛЬ

16+

Страдания. Мучения. Боль

Михаил Кононов

АЗИЭЛЬ

«Автор»

2015

Кононов М.

Азиэль / М. Кононов — «Автор», 2015 — (Страдания. Мучения. Боль)

Молодой герой данного рассказа всю жизнь провёл в родной деревне, где над ним измывались не только все жители, но даже собственный отец. Наконец, он решает покинуть такие ненавистные родные края, но окружающий мир оказался далеко не самым дружелюбным местом, полным насилия и жестокости. Пытаясь выжить, юноша с первых дней погряз в ненужных ему убийствах, войнах и интригах. Возможно, стоило оставаться дома? Обложка и иллюстрации в данной книге выполнены на заказ у дизайнеров Александры Гриневич и Иванова Антона.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Михаил Кононов

Азиэль

Глава 1

– Ты что здесь крадёшься? – спросил тучный торговец фруктами.

– Тихо ты! Пытаюсь украсть яблоки у того приезжего купца. Жду, пока его отвлекут, – ответил парнишка лет пятнадцати-шестнадцати.

Этим парнишкой был я. Худющий, щуплый, со средней длины невымытыми волосами. Хорошо хоть не цвета соломы, как у большинства в нашей деревне, а вполне нормальный тёмный цвет.

– А, ну это дело благородное, обворовывать моих конкурентов – радостно произнёс толстяк. – Понаехали тут, понимаешь, всех клиентов моих отнимают. А тебе, кстати, яблоки опять для отца нужны, самогон у него, поди, заканчивается?

– Так и есть – угрюмо ответил я. – Не хочу опять по заднице получать. Да что там по заднице! В прошлый раз едва успел ноги унести, с ножом на меня кидался скорняжным.

– Да уж, как мать твоя померла, так батя твой совсем голову потерял. А ведь такой мастер пропадает, лучшего кожевника свет не видывал! – торговец печально помотал головой.

Так и было. Мать родила меня и умерла сразу после родов. Говорят, роды у неё были очень тяжёлые. Она мучилась почти два дня, пока я появился на свет, и сразу испустила дух. Родители меня даже не планировали, меня, так сказать, никто и не ждал. Имя ещё дали какое-то дурацкое – Азиэль. Так звали какого-то демонёнка что ли, или беса в одном из рассказов матери, непонятно выдуманном, или правда из священного писания. В общем, кто бы это ни был, но он однозначно не был положительным персонажем. И в его честь меня так и называли.

Отец с самого начала искренне ненавидел меня и винил в её смерти. Благодаря ему худшего детства, чем у меня, наверное, ни у кого и не было. Не только он бил меня по причине и без оной. Все деревенские дети и подростки тоже не упускали момент поиздеваться надо мной. Отбиваться приходилось раньше каждый день, ибо все местные ребятишки и вправду считали меня убийцей своей матери. Им-то что, как сказали, значит так и есть...

Мать была хорошей женщиной, вся деревня её уважала. Звали её Алия. Хотя она нигде и не работала, зато всё время была в церкви и помогала батюшке Рональду с прихожанами. Для каждого у неё было утешительное слово, для голодного – кусок хлеба, для детей – интересный рассказ о божьем создателе. Деревня у нас небольшая, так что с её уходом всем стало тяжелее. А когда отец запил, так и вообще всё начало приходить в упадок. Люди перестали заказывать его изделия, а это повлияло на всю деревню – в неё просто незачем было ехать людям из других деревень и тем более города. Дело немного улучшилось, когда мне исполнилось пять лет. Отец сказал, мол, ты теперь взрослый, будешь работать. Сам он пить не перестал, но меня обрабатывать кожу и мех научил. Такого таланта, как у него, у меня, конечно, не было, но я всё же делал неплохое снаряжение и одежду. Раньше, если верить людям, отец никогда не пил и работал сутками напролёт. У него заказы были даже от самой армии! Шил снаряжение для разведчиков, денег было пруд пруди. Чего сейчас не скажешь, вот сижу, яблоки пытаюсь украсть. Кстати, о них – похоже, у меня созрел план:

– Так, это тоже в твоих интересах, так что ты мне поможешь, – подмигнул я лавочнику.

– Ч-что? Совсем сдурел, что ли? А что делать надо? – хитро оскалился торгош.

Его, кстати, зовут Бранн. Да, именно потому, что он любит браниться и в горячих спорах это делает просто мастерски.

– Бери два своих самых больших яблока и иди, доказывай ему, что твои лучше. Во время спора просто разверни его в сторону дома портнихи Шейлы, а я в это время попробую увести во-о-н ту корзину с яблоками. И ту с грушами. И ту с виноградом, – в животе урчало, голод не забывал о себе напоминать.

– Так, тихо-тихо! Рук не хватит, и это не пара яблок, после которых тебя просто отшлёпают. Но идея мне нравится, я пошёл! – с азартом в глазах прошептал толстяк.

Бранн взял два огромных красных яблока, небось, яблочки-то из огорода старой тётки Нинки. Та ещё зараза, но яблоки у неё и вправду отменные. Что-что, а вот с кем-то поспорить толстяка два раза просить не надо – через пару минут он уже полностью овладел вниманием конкурента, и не то что развернул его в нужную сторону, а даже увёл на несколько шагов. Ну, пришло моё время действовать. Людей, конечно, было много, и было просто невозможно не заметить, как я хватаю в одну руку целую корзину яблок. Большую такую, килограммов на десять потянет как минимум, во вторую руку такую же корзину, только с грушами. А как же виноград? Ладно, зубы-то мне для чего? Народ громко рассмеялся, чем привлёк внимание хозяина передвижной лавочки, но было уже поздно – я во весь опор мчался по дороге на кукурузную ферму. Кукуруза высокая, там легко спрятаться. Через ворота выбегать это уже наглость, стража могла и задержать меня, так что я нырнул в одну из дыр в частокоче. Я знал, что местные меня не сдадут, как бы ко мне не относились, но все же свой человек дороже, нежели какой-то приезжий торгош.

Добыча получилась отличная. Надолго отцу, конечно, не хватит, но хоть что-то. Фрукты отдам Бранну, он мне заплатит за них, а потом продаст чуть дороже. Далеко в поле забегать я не стал, спрятался и наблюдал за дорогой. Как я и думал, после ограбления купец уехал из деревни, боясь, дабы грабёж не повторился.

Возвращаться домой до заката не хотелось, и я решил забраться на невысокий холм, который был недалеко от фермы. Оттуда было хорошо видно всю нашу деревню, не такую уж и большую, чуть более сотни домов. Называлась она, как и подобает деревне, очень даже простенько – Лесная. Раньше здесь был один сплошной лес, оттого и название.

Теперь вокруг деревни идут несколько небольших ферм, на одной из которых я и прятался вместе с награбленным. Сама Лесная обнесена добротным частокочом, но часовых на нём не так уж и много. Деревня находится в глубине страны, и кроме бандитов никто нам не докучает. Хотя и общее положение дел тоже сказывается. Никто не изъявляет желание регулярно ремонтировать и латать щели. Или местные разбойники попросту отбивают всё желание?

Эх, разбойники! Вот это жизнь. Я и сам иной раз думаю, что похож на разбойника. Хожу в лохмотьях, всегда ношу с собой нож, и не один, а всё, что плохо лежит, пытаюсь урвать. Чем не разбойник-то? Они живут свободно, никто им не указ. Ну да, грабят людей, а я что сделал сегодня? Может к ним податься? У нас в таверне постоянно сидит один старик, Бородой кличут, мы с ним неплохо ладим. Так он что-то вроде связного или дозорного как раз одной банды, которая живёт в лесу. Вроде как она грабит караваны, что идут через наш лес из Салодона. А что, своих не трогают, а чужаков можно и грабить.

Вот так я и сидел, жевал добытые нечестным трудом фрукты, мечтал о жизни, которой у меня никогда не будет, а солнце медленно садилось. Отец, наверное, уже изрядно пьян, так что можно идти домой. Раньше у нас был один из самых больших, красивых домов в деревне. А сейчас? Размер, конечно, не изменился, но выглядит он хуже собачьей конуры. Рядом стоит мастерская, где раньше папаня мой работал, а теперь уже там моё место. Я пытаюсь её по возможности подлатать кое-как, не хотелось, чтобы во время работы на голову крыша упала. В общем, так и живём.

Как я уже говорил, раньше я дрался почти каждый день. Ну как дрался, меня избивали толпой, а я плакал, не в состоянии что-то сделать. Теперь-то всё поменялось. Сначала я научился неплохо давать отпор, мог справиться с двумя-тремя местными задирами.

Но в один прекрасный день, совсем недавно, в таверне я познакомился с одним из слепых королевской гвардии. Звали его Санделом. Его отряду поручили что-то разнюхать в Салодоне, но там их поймали в ловушку и взяли в плен. Ему удалось сбежать в первую же ночь, а вот как дела с его друзьями он не знал. По закону нашего королевства Долония, следо-

пыт являлся предателем, и его казнили бы. В таких ситуациях, как считает наш король, солдат обязан, во что бы то ни стало постараться освободить своих товарищей. Даже если это грозит самому ему смертью. Поэтому парень решил, что лучше уж будет податься в бега.

После того, как он заметил множество моих шрамов, я рассказал ему о своей жизни, и тогда он предложил научить меня... метать ножи. Парень не верил в моё счастливое будущее и решил, что именно умение мастерски разбрасываться кинжалами поможет мне прожить немного дольше. Заплатить мне было ему нечем. Поэтому я предложил один из кожаных доспехов, которые отец шил для армии, но их так и не забрали. Как ни странно, но пропажу отец заметил, и дабы избежать его праведного гнева, я несколько ночей спал на улице.

Через месяц я уже мог попасть ножом в любую цель с двадцати шагов. Сандел пророчил мне, что через годик-другой, если не заброшу тренировки, смогу попасть в глаз белке в полной темноте. Отчего-то я ему не верил. Тренировал он меня в лесу и заодно учил своему ремеслу – по следам выслеживать добычу и выживать в дикой природе. Вот тогда-то и начали появляться у меня первые мыслишки по поводу разбойников. Умение прятаться в лесу, добывать самому себе еду, умение постоять за себя, что ещё надо? После обучения, бывший следопыт королевской гвардии, а нынче просто бездомный, подарил мне свой комплект из четырёх метательных ножей и ушёл восвояси. Сказал, что подается в наёмники к одному из баронов, которые вечно воюют друг с другом. Больше я его не видел.

Подаренные Санделом ножи были великолепны, недаром он служил при короле. Утяжелённые, длиннее прочих, они были идеально сбалансированы, даже просто держать их в руке было приятно. Оружие для королевской гвардии куётся из лучшей стали и, как нетрудно догадаться, лучшими мастерами. После ухода Сандела, я не переставал каждый день часами напролёт тренироваться в метании этого великолепного оружия.

Умение метать ножи мне пригодилось при первой же стычке с любителями надрать мне зад, которая случилась совсем недавно. Однако, лишение уха у одного из забияк вызвало только волну ненависти ко мне у всех остальных. С тех пор они сами ищут меня каждый день, вооружившись дубинами, у одного из них я даже видел меч. Поэтому по деревне я перемещался скрываясь.

До дома я добрался быстро, аккуратно, по переулочкам, чтобы поменьше попадаться на глаза. Разве что забежал на рынок к Бранну, обменял краденное на медяки.

А вот и наши развалины, которые я называю домом. Дверь телепается взад-вперёд, держась из последних сил на ржавых петлях. Изнутри воняло мерзким до тошноты перегаром, полумрак и холод вселяли откровенное отвращение. Дом, милый дом, ничего не скажешь. Я тихонько вошёл, скрипнули старые доски на полу, разбежались в стороны крысы и прочая живность, нашедшая тут приют. Даже по собственному дому я передвигался на присядках, боясь, не дай Бог, наступить на спящего отца. Он обычно лежал именно там, где его совсем не ожидаешь найти. Глазами я искал его, но не мог разглядеть ничего похожего на его тело. Я было начал подумывать о...

– Ах ты, маленький ублюдок! – откуда-то сзади послышался разъярённый голос никого иного, как моего родителя. – Получай!

Даже не развернувшись в сторону орущего отца, я было бросился наутёк куда глаза глядят, но не успел сделать и пары шагов, как в спину мне попал тяжёлый чугунный горшок, последнее, что у нас осталось из посуды. Я взвыл от боли, ноги подкосились и я распластался по полу, больно ударившись всем телом об пол.

– Ты почто, выродок, ухо отрезал бедному Яцкыку? – отец подбежал ко мне и начал бить меня ногами под ребра. – Я тебя научу как обижать добрых людей нашей деревни!

Нашей деревни. Словно я здесь чужой. И это говорит родной отец. Господи, как больно, по-моему, меня сейчас стошнит собственной кровью. Я попытался подняться на четвереньки и отползти, но получил очередной удар, и едва смог удержать равновесие.

– А это ещё что такое?! – рявкнул удивлённым голосом мой отец и начал было приседать рядом со мной.

А были это мои ножи, которые подарил мне Сандел. Мои ножи. До меня только сейчас дошло, что это был единственный подарок в моей жизни, единственное, что принадлежало мне. Это были мои ножи. Это моё!

– Это моё! – неожиданно для себя произнёс я. Это моё!!! – уже крикнул я, осознавая, что теряю над собой контроль.

Я не знаю, что было дальше. Когда я пришёл в себя, даже не сразу смог понять, что произошло, и самое главное, как это произошло. Я сидел верхом на отце, руки были по локоть в крови. Да что там руки! Я чувствовал, как кровь стекает по моему лицу, шее, как вся рубаха насквозь промокла красной липкой кровью. Широко открытыми глазами, слёзы вмиг пересохли, я смотрел на то, что я сделал со своим отцом. От шеи до пояса на нем не было живого места, это было сплошное кровавое месиво, из которого торчали кишки, кости и то, что раньше было органами. Меня трясло от ужаса, я не мог пошевелиться, несмотря на желание побыстрее оказаться как можно дальше отсюда.

– М-м-маааааа-мааааа! – зарыдал я. – Что же я наделал? Боже мой, а со мной-то, что теперь сделают со мной?! Меня ведь не просто казнят, пытать будут!

Первые минуты я не мог нормально соображать. К такому исходу я совсем не был готов. Что же теперь делать? Куда податься? Бежать? Но куда? Я ведь теперь преступник. Преступник? Точно! Вот оно решение! Чего сиднем сидеть возле трупа человека, которого я ненавидел всю жизнь? Я живым не дамся!

Тут сразу же я вспомнил о своём тайнике, как раз на случай, если я решусь убежать из дома. У меня был небольшой схрон в яме, прямо в моей комнате, там были вещи, которые мне удалось украсть на случай, если я соберусь бежать из дома. По правде сказать, не ожидал я, что бежать буду при таких обстоятельствах. Несмотря на все издевательства своего отца, я никогда не поднимал на него руки. А тут сразу... такое.

В яме лежало на самом деле всё, что мне нужно. Отличные кожаные доспехи, полный набор, кроме шлема. Их отец выменял на самогон в первую очередь. Также там должна была лежать походная сумка, которую я украл у нашего травника, скорняжный нож, один из многих, который у нас был, и неношенная рубаха со штанами, честно сворованная у приехавшей к нам труппы циркачей.

Я снял с себя всю окровавленную одежду, смыл с себя кровь водой из бочки, достал спрятанное добро и... немного опешил. Я туда почти не заглядывал, дабы отец не поймал меня, и вместо всего новенького и чистенького там лежала совершенно паршивого вида одежда и практически окаменелые кожаные доспехи. Ну что ж, лучше, чем ничего. После событий пятиминутной давности, вряд ли меня сможет огорчить грязная рубаха.

Некоторое время ушло на чистку всего этого снаряжения, но это даже к лучшему – на улице уже окончательно стемнело. Борода уже должен быть в таверне.

У нас ещё осталось большое зеркало в мастерской, во весь рост, чтобы человек сразу мог оценить свой внешний вид в новом снаряжении. Раньше в него разглядывали себя армейские солдаты, восхищаясь прекрасной работой. А сейчас, в этом покрытом слоем грязи и пыли зеркале, можно едва-едва различить силуэт худощавого парнишки, хоть и одетого в полный, добротный кожаный доспех. Здесь было место и для метательных ножей на груди, и несколько карманов для всяких полезных инструментов, и удобный ремень с тремя мешочками, которые не так-то просто и срезать. Отлично подходят такие мешочки для хранения трав и денег. Только вот первых у меня не было, а вторых всего несколько медяков. Я в жизни не видел золота, и никогда не держал серебра. Но курс их знаю: десять медяков – это один серебряный, а десяток серебряных – это один золотой. Так вот у меня было целых семь медяков. Между королевствами свой курс, но я его не знаю.

Ну что ж, пора. Пора навсегда покинуть этот ужасный дом, эту убогую деревню с её такими ненавистными мне людьми. Впрочем, ненавистными ли? Раньше я никогда никого не трогал, не испытывал каких-либо злых мыслей ни к одному из жителей Лесной.

Я помню, как раньше поднимал голову с улыбкой на лице, даже после того, как меня в очередной раз избили пацаны с улицы, как я смотрел на милую прохожую женщину. И как она пнула меня в лицо. Чтобы я не валялся у неё на пути. Так что да, я ненавидел всех жителей этой чёртовой деревни. Шестнадцать лет я терпел боль и унижения, но пришёл конец! У меня нет в планах становиться самым жестоким разбойником королевства, наводящим ужас на всех и вся. Но вот спалить Лесную мне очень хотелось.

Благо, таверна наша, Лесоповал, была недалеко, всего в семи домах от нашего. Хорошо ещё то, что дома тут у них тоже большие, со своим огородом и прочим хозяйством, так что мои крики или крики отца, если таковые вообще были, вряд ли кто-то услышал. Подойдя к таверне, я трижды постучал об угол правой стены, и стал ждать. Борода всегда сидел за столиком в том углу, и когда разбойники хотели с ним связаться, то делали именно так. Прошло около минуты и гляди-ка, сработало! Из таверны вылез Борода, делая вид, что он вусмерть напился и пошёл прилечь прям под стеной любимой таверны.

– Ну чё там та... О, Аз, ты что ли? – удивлённо прошептал старик.

– Я, Борода, я. Помощь твоя нужна мне! – пролепетал я.

– Чё, решился-таки что ли? – даже при тусклом свете луны сверкнул его золотой зуб.

– С такой ухмылкой тебе только детей пугать! Да, решился я, решился. Ты поможешь или нет? – я чувствовал, как на глаза начинают наворачиваться слезы, как бы не выдал я себя так.

– Да, я ещё месяц назад про тебя рассказывал, говорят, малый хоть, да кожевник пригодится. Дуй на Волосатый холм и сиди там, пока тебя не позовут, сегодня, если память мне не изменяет, кто-то туда должен навеститься.

– Спасибо тебе, старый, с первого улова пиво тебе проставлю! – радостно пообещал я, по крайней мере, я надеялся, что это прозвучало так.

Борода, наверное, единственный человек во всей деревне, который относился ко мне если не с добротой, то хотя бы без злобы. Он часто рассказывал мне про разбойников, бандитов, пиратов и прочие преступные организации, никогда не забывая добавить, что в одной из таких организаций мне как раз самое место. Ну что ж, ввиду последних событий, не могу не согласиться.

Волосатый холм – так мы прозвали один из холмов, стоявший недалеко от деревни, полностью усеянный колючими кустами. Туда уж точно никто идти не захочет, а значит место безопасное. Хорошо, что снаряжение у меня подходящее, колючки мне не страшны.

Через ворота выходить мне нельзя было. Никто не должен знать, что я покидаю деревню, и тем более никто не должен знать, во что я одет. Первым делом у банды разживусь капюшоном или, на крайний случай, на дело буду обматывать голову какой-нибудь повязкой. Лесная переживала не лучшие свои дни, так что щелей в частоколе хватало, вовсе не обязательно было идти через рыночную площадь к той дыре, через которую я сегодня днём выбрался.

Но вот сразу идти на место встречи я не стал. Если то, что рассказывал мне Борода, хоть наполовину – правда, то если в банде себя не зарекомендовать хорошенько, долго не выживешь. Нужно сразу заработать себе уважение, а не то быстро живьём сожрут. Как говаривала наша местная портниха, которая четыре раза была замужем, путь к сердцу мужчины лежит через желудок. Не думаю, что ребята прямо голодают, дичи в лесу много, но и схлопотать стрелу от местных охотников тоже никому не хочется. Так вот я и решил, что если принести еды, да так, чтобы на всех хватило, это явно всех ко мне предрасположит.

Как я и говорил, вокруг деревни расположены разного рода фермы. Одной из таких была свиноферма старой и очень вредной тётки Марфы. Сама она работать не работала, для этого у неё было аж семеро детей. Они обеспечивали свежим мясом всю деревню, а в город они

караваном отвозили целые телеги вяленой свинины. Конкуренции у них не было – семейка быстренько выбивала любые мысли о животноводстве. У самих же на ферме даже охрана была, два десятка наёмников, днём и ночью стерегущие как живое стадо, так и уже мясо для продажи. Всё семейство Марфы было одинаковое – все жадные, злые, сами больше напоминают хряка, чем человека. На мясо в деревне завышали цены как минимум вдвое, конкурентов ведь нет, не в город же ездить за ним.

Сколько я живу, ещё ни у кого не хватало наглости что-то украсть у тётки Марфы, все знают, что вора потом самого на колбасу пустят. Но мы лёгких путей не ищем! Я не раз крутился вокруг фермы, даже внутри бывал, когда просил хоть какой-нибудь еды в особо голодные дни. Мне даже не отказали, а пригласили вместе поужинать. Только не с хозяевами фермы, а со свиньями. Так что я уже давненько думал, как бы отблагодарить это гостеприимное семейство.

План заключался в том, чтобы поджечь один из амбаров с кормом, так как с той стороны меньше всего охраны, и они находятся довольно-таки далеко от складов с мясом. Наёмники сбегутся на пожар, и у меня будет немного времени, чтобы вынести пару мешочков с вяленным мясом. Ферма как раз примыкала к лесу, даже к нужной мне его части.

Я взобрался повыше на одно из деревьев у самого края леса – нужно было осмотреть ферму. Нет, ничего не изменилось, охранники стоят там же, где и раньше. Кто лежит, кто сидит, парочка даже патрулирует. Четверо находятся возле огромного дома, где живут хозяева фермы, шестеро по парам караулят у свинарников, ещё четверо у коровников. Остальные, видать, спят.

В моём плане всё выглядело не так уж и сложно, но одну вещь продумать я забыл. Как устроить пожар, если у меня нет огня? Тут я вспомнил уроки выживания, спасибо старине Санделу. Я насобирав хвороста, нашёл два подходящих камня, чтобы высесть искру и начал красться к самому близкому амбару. Очень странно, что три небольших амбара сторожит всего один охранник. Похоже, что за свиней, в живом или вяленом виде, Марфа беспокоится больше, чем за корм для будущего мяса.

Сторож амбаров тихо похрапывал, лёжа на сене у самого дальнего из амбаров. Я без проблем зашёл внутрь первого амбара, они даже двери не заперли на замок! Мне, конечно, на руку, что они так распустились, но что-то не похоже на людей, которые за каждый медяк торгуются до последнего. Ага, в этом амбаре было сухое сено для коров, отлично, можно было не собирать хворост, да кто ж знал. Я положил всё, что принёс с собой из леса, и начал высекать камнями искру. Стук, стук, ещё раз, и ещё, а ручки-то трясутся, страшно-то как!

– Есть! – тихонько воскликнул я.

Маленькие языки пламени начали тянуться вверх, сухое сено очень хорошо поддавалось пламени. И только после того, как удачно всё сложилось с огнём, я заметил, что в амбаре какой-то странный запах. Пахло псиной. Огонь разгорался, в амбаре становилось хоть что-то видно, и я начал медленно оглядываться. И тут я увидел их. Две здоровые собаки, в шипастых ошейниках, с их белых клыков уже стекала слюна. Они явно были натренированы как сторожевые псы, но, похоже, даже они ослобнели от такой наглости. Теперь-то стало ясно, почему у амбаров всего один охранник!

Псы начали негромко рычать, когда я медленно развернулся к ним. Что сказать, незавидная ситуация, сзади разгорается пожар, а спереди два здоровых кобеля. Времени нет – скоро сбежится охрана и мне точно не поздоровится. Я медленно достал два метательных ножа, собаки были в полутора метрах от меня. Промахнуться, даже в такой темноте, я не мог. Вот только от страха руки у меня так тряслись, что я еле-еле держать ножи мог, не то, чтобы кидать их!

Страх может заставить не только съёживаться или, скажем, кричать, он может также и придать сил в критической ситуации. Все случилось одновременно, я даже не сразу понял, как это получилось. Собаки прыгнули на меня, а мои руки одновременно метнули в них оружие. Я

не ожидал, что ножи с такой силой вонзятся в шею. Собаки упали прямо передо мной, истекая кровью.

Я начал было извлекать оружие из ещё живых псин, которые отчаянно цеплялись за жизнь, как в амбар вошёл что-то бурчащий себе под нос один из наёмников. Я очень надеялся, что это тот одинокий сторож амбаров, иначе меня ждал скверный конец, если это уже успели сбежаться остальные на пожар. Наёмник просто оцепенел, увидев огонь и корчащихся в агонии сторожевых собак.

– К-какого чёрта.... – удивлённо прохрипел полусонный страж.

Моим же ответом был брошенный в него нож, ещё не отёртый от собачьей крови. У меня даже ни одной мысли не появилось. Я просто бросил в него нож. В тот момент я не думал, что отнимаю чью-то жизнь. Как и сам нож, мои руки были в собачьей крови, и оружие соскользнуло в последний момент. Я метил в голову, но попал прямо в сердце бедняге.

Времени думать уже не осталось. Всё произошедшее заняло не более минуты, но этого хватило, чтобы огонь распространился по всему амбару. Я вытащил все ножи, на скорую руку вытер их о штаны охранника и побежал в лес. Амбар уже начал дымиться и привлёк внимание охранников, вот-вот появятся первые языки пламени снаружи, и они поймут, в чем тут дело. Я бежал так быстро, как мог, параллельно ферме, пытаясь не упасть. Не хватало ещё ногу себе сломать.

Вот и ринулась толпа охранников кто к горящему амбару, кто к колодцу за водой, а остальные к дому, в первую очередь защищать хозяев своих. На складах никого и не осталось, как я и планировал. Наёмники – это обычно хорошо тренированные солдаты, но эти явно зажрались и потеряли форму, питаюсь ежедневно жирной свининкой и салом. Они и полпути к амбарам не преодолели, как я уже добежал до той части леса, что напротив кладовых.

Немного отдышавшись, я побежал снова, до ближайшего склада с вяленным мясом было не более пятидесяти метров. В это время я молился, чтобы на ферме не было больше собак. Бегать я умею, но четвероногие явно делают это лучше, да и приведут озлобленную погоню.

Кладовые сбоку, немного позади дома, так что охрана меня не видела. Здесь уже на дверях был тяжёлый засов, на котором ещё висела тяжёлая цепь с замком. Но, к счастью, здесь имелись окна, хоть и под самой крышей. Никто и не думал, что ферму будут грабить так нагло, так что у складов стояли ящики, в которых перевозят мясо в город для продажи. Забрался на один, на другой, подпрыгнул и подтянулся прямо в окно. Темнотища страшная, но что поделать.

Я аккуратно спрыгнул вниз, но лететь, как оказалось недалеко, и я приземлился прямо на приготовленный к погрузке товар. Тут было столько мешков с мясом, что вся Лесная могла бы прожить на этих харчах не один месяц! Как жаль, что я такой худющий, много не утащу. Три мешка положил на другие, дабы смог дотянуться до окна, через которое я сюда попал. Ещё два, один поменьше, другой побольше, выкинул через то самое окно на улицу.

Вылез я назад без всяких проблем. Оглянулся – наёмники метались вокруг амбаров, пытаясь потушить огонь, который уже переметнулся и на соседние здания. Марфа, судя по всему, не добежала до пожара, упала посреди поля и орала на всю ферму, кому чего сделает, если хоть что-нибудь сгорит. Пару секунд я посмотрел на безуспешные попытки пары её сыновей поднять её, но время не ждёт, и я спрыгнул, ухватил добычу и побежал в спасительный лес.

Я бежал ещё долго, почти до самого Волосатого холма. Погони слышно не было, собак я тоже не видел, которые могли бы выследить меня по следу. Хорошо, что мясо укладывают в хорошие, прочные мешки с подвязками. Оба мешка я повесил на плечи, так что бежать было не так уж и трудно. Хотя их вес и давал о себе знать, но страх придавал мне сил. Я остановился, когда до места назначения было уже совсем недалеко. Минут десять ходьбы от силы. Вполне разумно было немного отдохнуть, не хотелось представлять в первый раз в виде загнанного в ловушку зверя.

У холма никого не было, на дворе стояла уже глубокая ночь, небо ярко освещала луна и тысячи других звёзд. Я взобрался на холм, оценив прочность своих кожаных поножей – колючки и вправду мне не приносили никакого беспокойства. На вершине холма кусты росли уже не так обильно, была даже небольшая полянка.

Пока никого не было, можно было и осмотреть добычу. С замиранием сердца начал развязывать первый мешок, тот, что побольше. В нём оказалась вяленая говядина! Все кусочки, как на подбор, один красивее другого. Взяв один кусок, я с жадностью начал грызть его. Вкус был просто изумительный! Что сказать, какая бы тётка она злая не была, но мясо готовить Марфа умела. Насладившись говядиной, я посмотрел, что во втором мешочке. Там была вяленая свинина, на вид ничем не хуже говядины.

Так я и лежал, смотрел на звёзды, слушал пение сверчков и ел, наверное, впервые в жизни, настоящую вкусную еду. Деньги, добытые как честным трудом, так и не очень, отец все отбирал. Так что питался я обычно тем, что найду, в основном ягоды и фрукты, корни разные. Готовить отец не умел, но меня заставлял. Ему я варил разного рода каши и супы, но мне редко доставалось что-то после него. Больше всего я ел супы из трав и кореньев, да чёрствый хлеб. Кашами баловался тогда, когда мог украсть зерно, а это удавалось не так уж и часто.

Лучшее, что я ел до сегодняшнего дня, это во время, когда я был с Санделом. Кроме упражнений с ножами и уроков выживания в лесу, мы с ним охотились и даже ловили рыбу. Ему очень нравилось, как я готовил добычу, тут мне пригодились мои знания кореньев и трав. Этим я обязан нашему старику-травнику Элдоту.

Когда он стал уже слишком стар для того, чтобы целыми днями ходить по лесу за нужными травами, он предложил мне заняться этим делом. Старый жлоб заставлял сутками носиться по лесу в поисках нужных трав, а когда я возвращался, одаривал меня своим ценнейшим знанием, как он говорил. Иногда удавалось выпросить медяк-другой на еду, мотивируя это тем, что если я с голоду помру, то никто не будет ему травы носить. Недолго думая, он и научил меня варить всякие травяные супчики, сказал ещё вдобавок: "Ты и с голоду не помрёшь, и деньги тебе теперь не надо давать! Это ещё ты мне приплачивать должен, за такую-то ценную информацию!". Ага, как же. С голодом хоть и стало легче бороться, но что-то я не видел, чтобы остальной народ на травах сидел.

Я поймал себя на мысли, что вот ещё и банда меня не приняла, а я уже настоящий разбойник. В первый же день украл мясо из свинофермы, устроил пожар, и... убил двух собак, наёмника, и даже своего отца. И ничуть об этом не жалею! Слишком долго надо мной все издевались, слишком долго я терпел все эти муки. Пусть горят все в аду, в который меня сами же постоянно и отправляли! Я ничуть не жалею о содеянном!

Но вскоре гнев перешёл в страх. Меня начало трясти от ужаса. Что я все-таки наделал? Картина, где лежит окровавленное тело отца, а я стою на коленях перед телом, с моего лица, шеи и рук медленно стекает его кровь... А собаки, как жалобно они смотрели на меня перед смертью! Меня охватил первобытный ужас, я уже не слышал ни сверчков, ни шелеста деревьев, в голове звучал только одна фраза: "Поймают и казнят". Поймают и казнят.

Не знаю, сколько бы времени я ещё провёл в таком состоянии, но тут я услышал чей-то голос.

– Малый, ты чё, глухой что ли? – скрипучим голосом спросил меня кто-то.

Я оглянулся и увидел двух небольших мужиков, одетых в кожаные туники поверх всяких лохмотьев. У одного из них была такая отвратительная рожа, вся покрытая шрамами, а второй мог похвастаться, наверное, самой грязной бородой в Долонии. Да уж, не таких красавцев ожидал я увидеть в рядах разбойников.

– Ты смотри, кожа да кости одни. И зачем нам такой дохляк? Только на суп и пойдёт, – зловеще ухмыльнулся бородач.

– Чего вы так долго-то? – делая раздражённый вид спросил я. – Ещё бы немного, и меня бы тут комары съели, они каннибалы похлеще вас будут.

– Да ты остряк, я смотрю! С чего ты взял, что мы тебя тут не прирежем, да барахлишко-то не заберём, а? – морда в шрамах потянулся за ножом и сделал пару шагов ко мне.

– С того, что Борода прислал меня, – судя по их лицам, это значило для них ровным счётом ничего, – и с того, что нет у меня ничего, а то, что есть, и так вам принёс.

– И чем же ты нас подкупить-то собрался, а малец? – жадно спросил бородатый.

Я сунул руку в мешок с вяленой говядиной, нащупал два куска побольше и бросил им в руки. Готов поспорить, они давненько такого не ели.

– Мясо? Ты серьёзно? Малый, мы в лесу живём, по-твоему, мы охотиться не умеем и жрём одни корешки?

– Да куда вам, потравитесь ещё. Ты попробуй сперва, ещё спасибо скажешь, да дорогой короткой в лагерь поведёшь. Я-то знаю, где разжиться ещё таким, – хитро ухмыльнулся я.

Мужиков просить дважды не понадобилось, они жадно впились зубами каждый в свой кусок и смачно зачавкали. Спустя несколько секунд они переглянулись и заржали в голос.

– Ай да малец, ай да не промах! В жизни такой вкусотищи не пробовал! – с набитым ртом восхищался бородатый, морда усердно кивал.

– У меня этого добра целый мешок, и я знаю, где взять ещё, – с надеждой сказал я, хоть и старался делать уверенный вид.

– Да все знают, где взять ещё, у старой карги Марфы, да только охраны у неё там, что блох у дворняги! В жизни не поверю, что ты на её свиноферме это достал! Стащил, небось, в Лесной из погреба у кого, – уверенно сказал морда.

– Да нет, красавец ты мой, именно оттуда я и увёл-то мешочек. Собак двух прирезал, да охранника завалил. Ну что, нужны вам такие люди в банду? – я даже попытался придать немного грозный вид.

– Ты-ы? Охранника? Да не смейся мои портки! – бородатый чуть не подавился бедняга, а морда аж до слёз рассмеялся.

– Да-да-да, я очень рад, что вам весело, но я жутко устал сегодня. Может, пойдём уже, а? – как не старался я, но голос мой всё же стал довольно жалким.

Я и правда устал. Моя жизнь и так проходила в напряжённом состоянии, но таких дней, как этот, конечно же, не было. Только сейчас я понял, насколько сильно я вымотался. Ещё утром я был простой сельский парень, озорной, радующийся простой беззаботной жизни. Если мою жизнь можно так назвать было, в чём я очень сомневаюсь. Но сегодняшний день ни в какие ворота не вписывается. В любом случае теперь я стою на вершине холма с двумя разбойниками и вот-вот стану одним из них.

– Ладно, в лагере Глазастый решит, что с тобой делать, – манул рукой грязнобородый. – В любом случае ты сам к нам припёрся, никто тебя не заставлял. Путь отсюда займёт несколько часов, выйдем на рассвете. Ложись спать, я покараулю, а Красава меня потом сменит.

– Красава? – удивлённо спросил я. Уж на кого-кого, а на красавчика морда никак не был похож.

– Он самый, – сказал борода. – А что, не нравится? Ты погляди, какая рожица у него! А если серьёзно, думаешь, от хорошей жизни он разбойником стал? Жена его узнала, что на ферму он баб щупать ходил, да порезала ему всю рожу. Ну тот и того её... этого. А теперь в бегах.

– Мы тут все друг друга по кликухам зовём, – тут уже Красавчик вступил в разговор, – только наоборот, так веселее. На урода я бы обижался, и прирезал бы во сне кого-то невзначай. Что до тебя, так кто ты и как тебя звали до того, как ты пришёл к нам, всем насрать. Банда как назовёт тебя, тем и будешь. Меня ты уже знаешь, а это у нас Чистюля.

– Да уж, по нему и видно, что Чистюля. И по запаху всё понятно, – рассмеявшись, выдал я.

Остальные тоже заржали. Так мы и легли спать, на голую землю, а Чистюля остался караулить. Мешок со свининой я положил под голову, а со вторым лёг в обнимку. Последние мои мысли были о завтрашнем дне. Завтра я стану разбойником.

Глава 2

Я проснулся от смачного пинка под зад. Сперва я даже не понял, что случилось, думал, опять меня отец будит валить из дома. Потом за секунду у меня перед глазами промелькнули все вчерашние события: кража фруктов, убийство отца, побег из города, свиноферма тётки Марфы и, наконец, Волосатый холм.

– Ну чего пинаешься, – жалобно простонал я.

– Скажи спасибо, что проснулся с сапогом в заднице, а не ножом под ребром, – по голосу я понял, что это был Красава.

– Пошевеливаемся, солнце уже встало, не хватало, чтобы нас ещё увидел тут кто, – командирским голосом приказал Чистюля. – Перекусим по дороге тем, что у нас есть, мясо нужно поровну поделить между бандой, а то если мешок будет полупустой, все догадуются, кто сожрал всё.

Долго собираться нам не нужно было – встали и пошли. Из того, что было у двух разбойников поесть, оказалось пару корок хлеба, бурдюк с речной водой и три жареных рыбки. По-моему, это была плотва. Судя по всему, они сразу рассчитывали, что будут возвращаться втроём. Поели на ходу, шли быстро, мужики явно знали здесь каждый куст. В пути почти не разговаривали, только иногда звучали направляющие команды наподобие "сюда", "туда", "куда прёшь, идиот" и тому подобное.

Я много раз был в этом лесу. Обычно я вполне мог сориентироваться, как вернуться назад в деревню, где находится наша река Криворожка, кстати, довольно-таки большая. Название получила такое потому как напоминала огромный изогнутый рог. Она проходила через всю Долонию, а её изгиб уходил в земли баронов и лордов. Но вот сейчас, пройдя пару часов с этой парочкой, я вообще не мог понять, где я. Лес стал какой-то слишком густой, слишком тёмный, он пугал своей дикостью, за каждым деревом я боялся увидеть волка или того хуже, медведя.

Один раз мне пришлось сидеть на дереве полтора дня, пока внизу меня ждала стая волков из пяти. Я уже и с жизнью простился, и подумывал, как лучше так спрыгнуть прям себе на голову, чтобы шея сразу сломалась, но тут, откуда ни возьмись, появились охотники. Они вмиг расправились со всей стаей, меня водой напоили и даже дали еды на дорогу. Я был удивлён такому отношению, но оказалось, это были не охотники, а разведчики одного небольшого отряда армии. Их просто послали в лес пополнить запасы еды добычей. Отряд, кстати, посылали прочесать район нашей деревни, чтобы поймать банду разбойников. Я поймал себя на мысли, что теперь такие вот отряды будут и меня искать. В тот день судьба была ко мне благосклонна. Наши местные охотники не то, что ничего бы не дали, ещё бы и ставки делали, смогу ли я добраться до деревни сам или нет.

– Так, мы подходим уже к лагерю, он небольшой, не заблудишься, но ты держись за нами и ступай осторожно, здесь не все такие дружелюбные, как мы, – глядя прямо в глаза сказал мне Чистюля. Господи, ну запах от него....

Мы остановились у ничем непримечательных деревьев, между которыми росли высокие кусты сирени. И тут мои спутники подошли с двух сторон, взяли эти кусты и, как ни в чем не бывало, спокойно подняли их и отставили в сторону! Только потом я понял, приглядевшись внимательней, это было хитро замаскированная доска, исполнявшая роль ворот. Слева и справа от входа были такие же кусты, или, вернее сказать, такие же стены. Вот как разбойники ухитряются так долго скрываться от патрулей армии! Те попросту не могут их найти, несмотря на регулярное прочёсывание леса.

Мы вошли в лагерь с его западной стороны. Был он не такой уж и маленький, как описывал его Чистюля. Здесь было добрых две дюжины палаток и один большой натянутый тент, под

которым виднелся длинный стол, коряво сбитый из разных досок и других подручных материалов. Вероятно, именно за ним и обсуждалось, где и когда будут грабить караванщиков из Салодона, а потом где сбывать краденое. То тут, то там стояли большие бочки с водой. Колодец здесь не вырыть никак, скорее всего таким образом они накапливают дождевую воду. И вода питьевая есть, и умываться есть чем. Было и несколько мест для кострищ. Я сразу заметил по меньшей мере шесть штук, а рядом с несколькими из них стоял вертел. Я уже представляю, какие пиршества тут проходят, как переворачивается на вертеле сочный кабанчик, как льётся рекой пиво и вино... Да уж, не зря мне Борода говорил податься в разбойники, а я, дурак, не слушал.

В лагере на глаз я насчитал с десяток человек, остальные наверное, на охоте, или, может быть, даже в рейде. Больше всего мой взгляд привлёк крепкого сложения мужик, с повязкой на глазу. Вероятнее всего, это и был Глазастый, о котором говорили мои новые друзья. У него были короткие черные волосы и такая же короткая борода на подбородке. Он сидел, развалившись на гамаке, подвязанном между двух небольших деревьев, и уставился на меня.

– Что, ещё одного дармоеда привели? Мало нам своих? Да он ещё и дохлый такой, даже не накормишь им всех, – проворчал главарь банды.

Что-то уже второй раз они говорят о каннибализме, это начало меня тревожить. Или это у них все же такие шутки по поводу моей худобы?

– Здравствуй, господин, – я поклонился так низко как мог, чем вызвал волну негромкого смеха среди остальных разбойников, – позвольте примкнуть к вашей славной банде вольных братьев, кою в народе кличут разбойниками.

Говорить с почтением меня научил каждый житель Лесной, даже если сам он так не умел. Но, почему-то разбойников такой слог только смешил.

– Эвон как он говорить то умеет. Господин. Позвольте. Вольные братья. Ты и понятия не имеешь, куда попал, да? – ехидно сказал Глазастый, по крайней мере, я думаю, что это он. – Ты малой, наверное, мечтаешь о приключениях? Сбежал из-под гнёта своего отца, думаешь, теперь тебе никто указывать не будет, даже закон теперь не для тебя. Думаешь, будешь братъ что захочешь и не будет тебе наказания никакого? Посмотри вокруг! Это выгребная яма, а не лагерь бандитов, о котором ты так мечтаешь.

Только теперь до меня дошло. Только теперь я увидел. Часть палаток стояла, но они были пусты. Те люди, которых я принял за матерых разбойников, были всего-навсего несчастные люди, которым некуда идти. У половины из них не было ни оружия, ни тем более хоть какого-то боевого снаряжения. Одеты были в такие старые лохмотья, что даже я постеснялся бы надеть. Но следующее просто заставило меня трястись от ужаса. Возле кострищ, где стояли вертела, были кости явно не кабанчиков, а были они похожи на человеческие. Среди них я обнаружил даже один череп. Ясно, почему им не нравилась моя худоба.

– Назови мне парень, по какой причине нам не разжечь костёр и не зажарить твои глупые мозги, которые привели тебя прямо к нам? – принял угрожающую позу главарь, настолько, насколько это было возможно сделать сидя на гамаке.

Другие тоже было оживились, всем явно было интересно, что они сегодня, или вернее, кого они сегодня будут жрать.

– Давай парень, че стоишь, – шепнул мне Красава.

– Вот, поешьте нормальной еды, а не своих собратьев, – кинув мешок с вяленой говядиной, с укором сказал я. – Более того, я знаю, где достать ещё. И да, ты прав, я представлял себе разбойничью жизнь совершенно по-другому, где люди не едят друг друга, и выглядят настолько... убого.

– Убого? А как же господин, как же вольные братья? Чем ты там хочешь откупиться? – он дёрнул головой в сторону мешка, и один из его людей быстро подбежал и высыпал содержимое прямо на землю.

Заметив настоящее мясо, большая часть людей ринулась как к сундуку с золотом, расталкивая друг друга и пинаясь по возможности.

– Стоять! – проорал главарь, и все замерли, только с мольбой в глазах смотрели на хозяина. Почему-то в данной ситуации, Глазастый напоминал мне именно хозяина этих людей, а не вожака. – Ты смотри-ка, мясо. Да ещё и вяленое, хранить можно долго. Да много-то как, цельный мешок! – восхищался он не на шутку. – Говоришь, знаешь, где ещё достать? Это ты про второй мешок, что у тебя за спиной?

– Нет, это мои пожитки. Вас, стервятников, – я посмотрел на тех, кто стоял на коленях перед кучей мяса, – касается это больше всех. Это моё. А взять ещё можно там же, где взял я – на свиноферме у тётки Марфы.

– Ты ограбил старую каргу? Ха, как-то не верится! – с усмешкой на лице сказал вожак.

– Да он грит, мол, ещё при этом двух собак прирезал, да охранника завалил, – тут вступил в беседу Чистюля.

По лагерю прокатилась волна смеха, и тут я резким движением метнул нож прямо глазное отверстие того самого черепа, который я приметил у кострища. Расстояние было небольшое, я и не сомневался, что попаду. Тут смех сменился уже ахами и вздохами, однако, Глазастый и, эм-м, глазом не моргнул.

– Что ж, похоже, ты не врёшь. Но как же так, хочешь сказать, что Марфа настолько уже зажралась, что и охрану-то распустила всю? – задумчиво спросил главарь. – Я её давненько знаю, давно грабануть хотели, да не было никогда такого момента, когда бы у неё не тёрлись пару десятков отборных наёмников.

– Тут, в том-то и дело, что раньше у неё может, и были отборные, да теперь они, на сале, сами тоже жирком поросли. От тихой жизни и бдительность у них меньше стала, на собак понадеялись, да те в жизни воров не видели. Но очищать свиноферму я вам и не предлагаю. Насколько я слышал от Бороды, вы мастера караваны грабить, а у неё как раз всё готово для отправки мяса в город, – я говорил с неожиданным для самого себя азартом, – вот только я думал, что вас здесь побольше и, честно сказать, выглядите вы не такими уж и грозными. Что с вами случилось? Борода мне рассказывал совсем другое, неужели это всё были байки?

– Не байки, чего бы он там тебе не наплёл. Раньше мы и правда шороху наводили на всю округу, но его величеству королю, будь он неладен, надоело это и теперь нас тут выслеживает целый отряд вооружённых до зубов дружинников из города. У них и приказ такой – без моей головы не возвращаться. Вот мы и сидим тут второй уже месяц, головы высунуть не можем, – совсем уж угрюмо произнёс Глазастый. – Мы сперва думали, что они послали обычное ополчение, напали на них первые. А не тут-то было, там оказались дружинники, а у них и кольчуги есть, и мечи со щитами, и копья. Лучники тоже имеются. Вот нас и порешили всех, считай...

– Вы что, даже на разведку не ходили сперва? – поразился я.

– Ходить-то, мы ходили, да только продали нас, паскуды! – глаз может у него был и один, но взгляд его источал такую злость, что мне стало совсем не по себе. – Трое в разведку ходили, да поймали их, в обмен на их жалкие жизни предложили им заманить нас в ловушку, ну те и согласились. Их было около сотни против наших едва ли шести десятков, учитывая, что большая часть из нас была из таких вот дармоедов, – он со злостью подскочил и пнул одного из тех бедняг, что стояли на коленях перед едой.

– Батюшки, вас там всех, считай, положили. Сколько вас в лагере? Восемь бойцов я насчитал, ещё ты, да эти четверо, получается тринадцать, – с ужасом посчитал я выживших.

– Чёртова дюжина, да. Только вот в лагере не все выжившие. Или ты думаешь, мы тут сидеть будем, смерти дожидаясь? Шестеро человек караулят подступы к лагерю, нельзя, чтобы нас застали врасплох. Ещё пятеро пошли добывать еду, сегодня должны вернуться.

– Дружинники решили взять нас измором, они каждый день прочёсывают реку вдоль и поперёк, не давая нам ловить рыбу, – в разговор снова вступил Чистюля. – Лес тоже патрули-

руется, мы не можем нормально охотиться, тем более, не говоря уже о том, что у нас и нет-то настоящих следопытов, которые смогут заметить за собой следы и не привести к лагерю.

– Да уж, натерпелись вы лиха. Получается, ограбить караван с мясом сейчас у вас лучший вариант, – подытожил я.

– Не у вас, а у нас, – единственный глаз вожака уставился на меня, – ты принят, малец. Мальцом и будешь зваться. Меня Глазастым кличут, причина, как говорится, налицо. Вечером, если наши вернутся, обсудим твоё предложение. А теперь иди, пригляди себе палатку, вон та не плохая, – он указал на одну из дальних палаток, не такую уж и большую, но и не такую дырявую, как остальные. – Эй, Патлатый, собери мясо, оставь по не большому куску этим мешкам с костями, – Глазастый обратился, как неудивительно, к одному из лысых разбойников.

Парень был крепкого телосложения, наверное, бывший солдат, может быть, дезертир. Он взял в охапку все мясо, оставив несколько самых пыльных лежать на земле. Четверо несчастных, даже не знаю, как их назвать, язык не поворачивается назвать их разбойниками, подползли на карачках и с жадностью принялись кусать своими гнилыми зубами твёрдые куски мяса. Я смотрел на них с ужасом, сколько же они голодали? Даже я не помню, чтобы ел с таким... нет, это даже не назовёшь аппетитом. Я сам, бывало, не ел по несколько дней, но как назвать то, что я сейчас наблюдал, я не знаю.

Я было пошёл к той палатке, на которую мне указал Глазастый, но тут Красава схватил меня за рукав:

– Куды пошёл, сюдой ходи. С нами рядом спать будешь, вон та большая палатка наша с Чистюлей, твоя та, что поменьше будет, – он повёл меня в совершенно противоположную сторону.

– С нами тебе безопаснее будет, не знаю, что у тебя там за пожитки, но когда вернутся остальные, им будет все равно, что ты еду достал, прирежут тебя во сне от одного любопытства, – быстро прошептал Чистюля.

– О, я гляжу, вы уже сдружиться успели, а, парни? – окрикнул нас Глазастый.

– Да пусть Малец с нами будет, а то насмотрелся он на наш лагерь, ещё сбежать удумает, – ответил ему Красава.

Что ж, похоже, вернуться в лагерь должен не столь добродушный народ, и у меня появились друзья, которые помогут не проснуться мне с ножом под ребром. Нужно быть готовым ко всему.

Глазастый поделил еду, они порезали два куска на восьмерых, и принялись заниматься своими делами, то есть ничего не делать, с разницей, что теперь было чего пожевать.

Честно признаться, я был в шоке. Я совершенно не ожидал увидеть то, что увидел. Я начал вспоминать всё то, что рассказывал мне Борода про разбойников, и стал переосмысливать рассказанное. Я мечтал о свободной, вольной жизни, делать что хочешь, когда хочешь, жить в лесу, ни от кого не зависеть. Разбойники мне казались именно такими людьми. Но теперь я начал понимать, как сильно я ошибался. Это бандиты, которые отбирают у честных людей их нажитое тяжёлой работой добро, у них нет чести, они готовы резать друг друга за кусок хлеба. Не чураются, как оказалось, и предательства. Три человека погубили всю банду в обмен на свою жизнь, хотя я не верю, что им её оставили. И с этими людьми мне придётся теперь жить. Жутко-то как.

Я не знал, чем мне заняться, поэтому просто сидел и наблюдал за остальными. Чистюля и Красава лежали пузом кверху и негромко переговаривались о чем-то. Патлатый сидел неподалёку от Глазастого, наверное, он был его телохранитель, или, может быть, они были даже друзьями. Сидели они молча, ели своё мясо, однако лысый не спускал с меня глаз. Трое остальных бандитов сидели на земле и играли то ли в кости, то ли в нечто подобное, не углядеть отсюда. Оставшаяся четвёрка костлявых расплзлась по углам, кто куда. Точно, буду называть их костлявыми, им вполне подходит.

– Эй, мужики, есть минутка? – спросил я у своих новых друзей.

– Чаво тебе, Малец? – с интересом спросил Чистюля.

– А кем были эти четверо костлявых, до того, как стали разбойниками? – поинтересовался я.

– Те несчастные-то? Раньше у нас была банда, люди, которые умели убивать, и пуще того, любили убивать! Дезертиры, бывшие наёмники, преступники, и не просто какие-то воришки, а злостные убийцы, – он с гордостью перечислял своих бывших соратников, а Красава молча кивал в знак согласия.

– Что-то не похоже, чтобы эти четверо были раньше наёмниками или солдатами, – съязвил я.

– То-то и оно, что не были. Был и простой люд, кто разорившийся плотник, кто сбежавший ворюга, да и просто недовольный жизнью народ. Их брали для разных целей. Ремесленник всегда в лагере полезен будет, да и на ту же рыбалку не самим же ходить, – Чистюля рассказывал с небольшой горечью, видать, скучал по тем временам. – Борода вот в Лесной – наш связной. В бою от него всегда мало было толку, но вот в верности его мы никогда не сомневались. Если б не он, мы бы давно сгинули. Не раз он нас предупреждал в прошлом об облавах или засадах на дороге.

– Эти четверо – последние из простого народа, – подключился к разговору Красава. – Теперь их держат на убой, или сожрать, или, в случае драки, пустить вперёд. Долго не продержутся, но отвлечь отвлекут.

– А разве они не пытались сбежать? Кто захочет жить так? – удивлённо спросил я.

– Помнишь череп, в который ты так лихо нож метнул? – не без уважения сказал Чистюля. – Он пытался сбежать, но далеко не убёг. Зато вне очереди на костёр пошёл, хе-хе.

Они так спокойно рассказывали о том, как съели одного из своих, что меня аж до костей дрожь пробрала. И это ещё вроде как хорошие парни из всей этой компании! Чего от других тогда можно ожидать? Если не ограбить караван или добыть еду другим способом, то я тут долго не выдержу.

– Хватит болтать, уже как-никак за полдень, надо поспать. Вечером, коли наши вернутся, нужно будет многое обсудить, – зевая сказал Красава, и плюхнулся на спину.

Чистюля последовал его примеру. Спать легли они на каких-то лохмотьях. Я посмотрел в свою палатку, но она была пуста. Только я подумал, что спать на голой земле мне не привыкать, как сзади прилетела кучка всякого рванья. Обернувшись, увидел как Чистюля отворачивается, видать, он и кинул мне их. Что ж, поспать и вправду не помешает. Я лёг на свою, так сказать, постель, обнял свой мешок с мясом, и попытался заснуть. Последние мои мысли были о том, как же чертовски сильно воняют эти лохмотья Чистюлей, на которых я лежу.

* * * * *

Я проснулся от того, что в лагере стало слишком уж шумно. Слышались какие-то возгласы, кто-то откровенно ржал, смехом это уж никак не назовёшь, в общем, шло активное обсуждение чего-то. Среди отдельных фраз я услышал, и вроде бы голос это был Глазастого, что пора будить Мальца. “Это же я!” – вдруг осенило меня. Я быстренько подскочил, хотел было уже высунуться из палатки, как вдруг я вспомнил, где я нахожусь, и особенно, среди каких людей. Я надел за спину свой мешочек, проверил свои метательные ножи, выдохнул, и наконец-то вылез из палатки.

На улице уже стемнело, слышен был стрёкот кузнечиков, а в лагере разжигали костры. Моё внимание привлёк здоровый кабан, которого медленно крутил на вертеле один из разбойников. Похоже, ребята, которые ходили за едой, пришли не с пустыми руками, мечта поесть жареной кабанины начинает воплощаться в жизнь!

Первым я увидел Красаву, видать, он шёл меня будить. А вот потом я заметил и остальных, похоже, вернулась вся пятёрка, которая за едой ходила. Все собрались за большим столом в центре лагеря. Видать, будут обсуждать вариант грабежа каравана тётки Марфы!

– Эх, ты! Встал уже, лишил меня возможности дать тебе пинка под зад, хе-хе, – Красава широко улыбался, я думаю, он не сильно расстроился по этому поводу. – Пойдём, с братвой познакомимся.

Я пошёл за ним к общему столу, пытаюсь разглядеть в нём ту пятёрку бандитов, которых я ещё не видел. Судя по всему, трое из них сидели ко мне спиной. Одеты они были, как и большинство остальных разбойников, в кожаные и шерстяные туники самой разной масти. Другие двое сидели ко мне лицом. Причём сидели они рядом с Глазастым – один по левую руку, другой по правую. Я сразу вспомнил о Патлатом – тот стоял неподалёку, опираясь на одну из балок.

Парни вернулись с добычей, так что у всех было хорошее настроение, все смеялись и чему-то радовались. Тот, что сидел справа от Глазастого, что-то увлечённо рассказывал, не переставая при этом дико ржать:

– О-о-о, а это и есть тот Малец, про которого вы тут рассказывали? – не переставая гоготать, спросил он у толпы. – И в правду он такой дохлый, как вы и говорили. Эй, Малец, тебя ветром не сдует?

– Дуло-дуло, да к вам в лагерь и надуло, – попытался отшутиться я, и, судя по реакции, у меня вполне получилось.

– Так, значит, это мы тебе обязаны благодарностью за мясо, да? В жизни не жрал ничего вкуснее! – с благодарной речью ко мне обратился второй из тех, что сидели рядом с главарём. – Меня зовут Торвальд, а это – Хориган. С остальными сам познакомимся.

Видать, остальные, это те трое, что я видел со спины. Сейчас они уже сидели в пол-оборота ко мне, но мне некогда было их разглядывать. Зато Торвальда и Хоригана я рассмотрел хорошо. Надо же, в банде даже у Глазастого была кликуха, а эти – с настоящими именами. Но главным их отличием были не настоящие имена, а то, что они нормально выглядели. Оба крепкие, мускулистые мужики, ручища толще моих ног. Волосы тёмные, густые, даже имеют приличный вид. Возле Торвальда стоял огромный двуручный молот, а возле Хоригана виднелась большая секира. Да уж, не хотел бы я связываться с этими парнями.

– Рад был вам угодить, добрые господа, позво... – я не успел договорить, как сидевших за столом просто разорвало от смеха, из единственного глаза сами-знаете-кого даже слеза скользнула.

– Ах-ха-ха, Глазик, а ты точно не брехал, что он у нас голубых кровей, – задыхаясь от смеха, сказал Торвальд, – Малец, ты чё, на королевский бал попал, что ли? Может быть, подать тебе бокал вина, или, быть может, желаете танец с прекрасной леди? – продолжая заливаться от смеха, здоровяк породил новую волну смеха.

И не бояться ведь, что их услышат. Где на самом деле мы находимся, что они так вольно себя ведут? Когда люди более-менее успокоились, заговорил Хориган:

– Да уж, насмешил ты, Малец, ох насмешил. Дам тебе маленький совет – ты находишься в банде закоренелых преступников. Это изверги, которых отринуло общество, какие на хрен здесь могут быть господа? Вот Слащавый, к примеру, – он указал на одного из сидящих за столом, который всем своим видом вызывал отвращение и одновременно страх. – Так вот он что, девок насиловал да душил потом для того, чтобы ты тут господином его называл да высоким слогом тут базарил? Хочешь к нему подмазаться, или бабу приведи, или сам булки раздвинь, больше толку будет.

Тут опять все заржали. М-да, у нас ещё и насильник есть в банде, интересно, кто дальше? Может быть, ночью я проснусь привязанным к дереву напротив какого-нибудь маньяка, кото-

рый будет меня потом по ночам приходить пытаться? От таких мыслей, я сделал вывод, что помереть от ножа под ребро во сне не так уж и плохо.

– Ты гляди, как побледнел, что, не хочешь в палатку к Слащавому, а? – Хориган как-то злобно ухмыльнулся, но потом изменился в лице и снова стал добродушно улыбаться. – Да не ссы ты, Малец. Никто тебя не тронет, если сам не напросишься. Чего ты там сказать-то хотел?

– Поблагодарить я хотел, что приняли меня. Я, честно признаться, не такого ожидал от вашего лагеря, но дом есть дом. Сам я сын кожевника, отец мастером настоящим был, на мне вот, как раз его рук дело одето. Отличное снаряжение для любого охотника. Он меня всему научил, так же я кашеварить умею, растения знаю, и грамоте немного обучен.

Грамоте я и вправду обучен, батянка заставил. Ему раньше заказы из города письмом передавали, он и читать умел, и ответ писать мог, но меня, естественно, учить он не горел желанием. Обучал меня отец Рональд. Он, как батюшка в нашей церкви, всех желающих обязан был учить читать и понимать слово божье. Всегда приговаривал, что научусь я читать, пойму, куда после смерти Бог меня отправит.

– О как, и ремесленник, и повар, и даже грамоте обучен, – Торвальд скривил какую-то гримасу, вероятно, означавшую уважение. – Полезен будешь, паренёк. Мы тут тоже с добычей вернулись, двух кабанов завалили, несколько белок подстрелили. Как удивлять нас будешь? Мясо мы и сами пожарить горазды.

– В лес схожу, травы нужной нарву, мясо не только жарить можно, суп вкусный вам сварю. Мясо экономить надо, а то, как я понял, вы не каждый раз с такой добычей возвращаетесь.

– Да, что правда, то правда, – буркнул Хориган, – похоже, что ты знаешь о нашем печальном положении.

– И он даже предложил интересное решение, – тут голос наконец-то подал Глазастый, в главенстве которого, я уже начал сомневаться, – толкай своё предложение, Малец.

Немного собравшись с мыслями, я с большой надеждой в сердце начал:

– Я так понимаю, вы знаете, как мне досталось мясо, которое вы сейчас едите, – начал было я, сделав, как мне казалось, очень важный вид, – так вот, там этого мяса – целый склад. Оно готово для продажи в город. Уверен, тётка Марфа скоро отправит караван, а после моей выходки, возможно, оставит побольше охраны на ферме. Обычно с караваном ходит дополнительная охрана, но мне слабо верится, что они расщедятся и наймут больше воинов, чем обычно. Скорее всего, будет человек пятнадцать. Как я посчитал, с шестью караульными нас два десятка, также есть четверо костлявых, могут и завалить одного голыми руками.

– Хе-хе, слышали, вы теперь костлявые! – Хориган крикнул сгорбившейся четвёрке, похоже, что они ели сырую белку. – План-то неплох, у нас и луки есть, и людей достаточно. Парочку и ты можешь завалить, если рассказы о твоей меткости не являются всего лишь рассказами. Но вот только мы не можем себе позволить сидеть у дороги и высматривать, где же там караван. У нас тут, как бы это сказать, полный лес друзей, которые очень были бы рады нас повидать.

– Не обязательно всем караулить, можно отправить одного или двух людей, чтобы загородом следили, они увидят караван и скажут нам, – предложил я.

– А если их прирежут, так и будем сидеть неделю? – возразил мне Торвальд.

И тут каждый начал толкать свою версию, что да как надо сделать, кого куда послать, потом они начали посылать друг друга уже в ругательном смысле, кто-то даже взялся было за оружие, но тут всех перебил Чистюля:

– А ну тихо всем! Есть идея, и как по мне, вполне хорошая идея, – он говорил с какой-то необычайной важностью к своей персоне, все приутихли и вылупились прямо на него. – Никто не будет никуда ходить караулить. Я, Красава и Малец сходим к Волосатому холму. Ещё никто не знает, что Малец стал одним из нас, так что он войдёт в город, как ни в чем не бывало. Изложит наш план Бороде, и вернётся к нам. Борода же, в свою очередь, будем захаживать на

ферму, мол, мяса прикупить там, может, свиней помазать, мне все равно что, но он будет там, и увидит, когда караван начнут собирать в дорогу. После этого он привалит сразу к нам, или лучше ночью знак подаст, костерком там, или ещё как. А мы тут как тут, ноги в руки, и сюда в лагерь. Тут уже вы будьте готовы, да сразу выдвинемся. Караван едет медленно, мы однозначно успеем быстрее к дороге.

Пару минут все молча подумали. Думали-думали, и тут Глазастый, или, как недавно его назвал Торвальд, Глазик, встал и звучным голосом объявил:

– Ну что ж, план мне нравится! Не зря, Чистюля, ты благоухаешь на весь лагерь. Завтра же ты, Красава и Малец пойдёте на Волосатый холм, всем остальным быть готовым к их возвращению. Крикун, Торопыга и Слащавый, вам приказываю обойти караульных и объяснить им чё-почём. Всем всё ясно?

– Ясно, капитан! – толпа отозвалась единым криком.

Капитан значит. Вот оно как. Наверное, служил он в городской страже или ещё где, как же так случилось, что он теперь капитан разбойников? Надо бы узнать у Чистюли или Красавы, кто эти Торвальд и Хориган, и почему Глазастый тут главный. Завтра в пути попытаюсь всё это выпытать у них.

После всех этих разговоров Хориган и Торвальд рассказывали о своём походе за дичью, остальные разошлись по своим делам, кто в кости играть, а кто меч точить. Люди уже начали готовиться к предстоящему рейду, у одной из палаток собралась небольшая очередь, там раздавали луки и стрелы, кто-то уже начал ругаться, почему последних так мало.

Я и не рассчитывал, что мне чего-то перепадёт, так что пошёл к своей палатке, положил под голову мешок и начал заниматься одним из своих любимых дел – смотреть на луну и звёзды. Какая всё-таки красота, там, на небе. Ни одного облачка, что не могло не радовать. Идти завтра под дождём несколько часов по лесу ну вообще никак не хотелось.

В воздухе уже запахло жареным кабанчиком, но до его полного приготовления было далеко. Этот запах мне напомнил о тех днях, когда в Лесной проходили праздники. Вся деревня собиралась на площади. Все пили, ели, танцевали и пели, веселились, как могли. Родар, хозяин таверны, выносил целые бочки пива и наливал бесплатно всем желающим. В такие дни все приносили с собой из питья и еды всё, что могли. Даже тётка Марфа со своими сыновьями выделяли с десятков свиней. Их жарили прямо на площади, запах стоял на всю деревню.

Поначалу в такие дни даже мне лучше жилось. Кормить и поить меня, конечно, никто не стал, но объедками кидались изрядно. Так что мне иногда доставался небольшой кусок мяса на кости, или кусок пирога. Бывало даже с начинкой! В те дни я мечтал сидеть со всеми за общим столом и съесть целый окорок. Целый, а не жалкие объедки.

Никто особо на меня не обращал внимания поначалу, но потом люди начали устраивать всякого рода игрища. И, как-то раз мои старые друзья-забияки предложили весёлую игру – бегать за мной и пинать под зад. Было совсем не удивительно, что эту идею вся деревня приняла с огромным удовольствием. Ну не любил вот меня народ! Что поделаться, если даже батюшка Рональд, святой отец, будь он не ладен, после моего рождения окрестил меня никем иным, как бесом и присвоил мне имя Азиэль, главного чертёнка всех церковных рассказов.

После этого я на праздники решил уходить из деревни. Ходил на одну из ферм, которая меньше всего охранялась. Наёмники что, не люди, что ли? В деревне праздник, они тоже бухали, тем более, что хозяев-то нет. Так что у меня тоже был, в некотором роде, праздник. Я был один и наедался от пуза всем, что мог найти. И потом, конечно же, не забывал взять с собой всю еду, что мог унести.

Да, славные деньки были. Вот лежу и думаю, что не так-то плохо я и жил. Ну не любил никто, ну и что? Отбиваться я научился, с подарком Сандела так ко мне вообще никто бы не приставал. Отца бы не убивал, а просто пару раз по роже заехать ему, он бы и отстал. Починил

бы мастерскую, стал бы работать, как батяка раньше. Эх, дурак я, дурак. Повёлся на рассказы Бороды о вольной жизни. Старый козёл, чтоб он подавился! Вижу я, какая тут вольная жизнь. Правильно говорил святоша Рональд, Богу доверять надо, а не всяким проходимцам.

Кстати, о нашем святом батюшке. Вся деревня к нему в церковь молиться ходила, приносила дары всякие, еду там, или ещё чего. Всем он рассказывал о человеческом боге, который был единым для всех живых тварей, что нужно восхвалять его и жить так, как описано в священном писании. Рассказывал он и о последствиях для тех, кто не будет должным образом поклоняться богу и жить во грехе, как это называлось в церкви. Сулил батюшка Рональд таким людям вечные муки после смерти. Вот этого люди и боялись, поэтому старались задобрить своими подарками батюшку, ибо, как он сам говорил, что как служитель церкви, он может общаться непосредственно с самим богом, и передаст ему все-все, даже самые мелкие грешки всех жителей деревни. А ежели человек нагрешил, но раскаялся перед Богом, то отцу Рональду была дана власть прощать проступки этого человека, если он поймёт, что человек этот истинно раскаивается.

Что ж, как по мне, бред это всё. Я не верил ни единому слову, так как пока я учился грамоте у одного батюшки, иногда он забывал, что в одной из комнат, кажется, они назывались кельями, сидит молодой мальчик. И мальчик этот всё видел и помнил, как, к примеру, портниха Шейла приходила замаливать к нему свои грехи. Говорит, мол, согрешила я, святой отец, с женатым человеком запрещёнными делами занималась, ублажала его, как могла, и не один раз. На что наш батюшка покачал головой, и сказал, ты, мол, прелюбодеянием занималась, совокуплялась с чужим мужчиной, так ежели хочешь, чтобы бог простил тебе грех сей, должна ты и меня ублажить, да пуще, чем мужчину того. И что, портниха портнихой, но что они потом вытворяли-то! По всем законам священного писания, в батюшку как минимум должна была ударить молния с небес. Но ничего не произошло ни тогда, ни в огромное количество других раз. Так что читал я это священное писание, и сделал вывод, что всё это брехня.

Кто знает, о чём бы я ещё вспомнил, но тут мои мысли прервал голос Красавы:

– Эй, Малец, ты долго там лежать кверху пузом будешь? Или ты жрать не хочишь?

– Конечно, хочу! Всю жизнь мечтал жареной кабанины попробовать! – я быстренько подскочил, уже и первый шаг сделал, но нет, вернулся, мешочек-то забрать надо, а то мало ли чего.

– Эт ты правильно, барахлишко своё не оставляй где попало, а то не найдёшь потом, а если даже и найдёшь, то там тебе потом и скажут, что было ваше – стало наше, – одобрительно закивал разбойник.

Я сел за общий стол, кабан лежал прямо по центру. От одного его вида можно было слюной захлебнуться, а запах просто с ума сводил. “Как же мало мне нужно для счастья!” – подумал я. Тут Хориган поднял свой здоровый топор, и начал лихо рубать тушку, да с таким азартом, что даже разговаривать с ней стал:

– Кииий-йя! Опа! ещё разок! Ты посмотри, свинина недоделанная, бегать он от меня удумал, я тебе ща покажу, морда ты поросычья! – тут сразу стало понятно, кто поймал этого кабана и как непросто ему это далось.

Народ сидел, гоготал, ловя руками разлетающиеся во все стороны куски мяса, я тоже попытался словить один, но тут ко мне обратился капитан:

– Сиди, Малец, ты нам мяса принёс, да на караван навёл, Хориган выберет тебе кусок посмачнее, – с набитым мясом ртом, сказал вожак.

Вот уж не ожидал, что в первый день мне ещё достанется кусок лучше, чем у других. Я стал опасаться подвоха, костлявые тут давно, а их не то, что за стол не пускают, так и мясо им не кидают. Ловить позволяют те ошмётки, что с топора летят во время замаха. Но нет, Хориган отрубал знатный кусок, и бросил мне его прямо в руки и подмигнул. Я посмотрел по сторонам, ожидая злых взглядов со стороны остальных сидящих за столом. Но нет, ребята даже

не смотрели в мою сторону, все были заняты ловлей мяса и поеданием, хотя нет, пожиранием одного.

Во время еды мужики обсуждали, кто да как рубать стражу каравана будет, потом обсуждали, как обжираться мясом будут, в общем, болтали о том, о сём. Я ел молча, слушая остальных, наблюдал за костлявыми. Эти ребята тоже, наверное, мечтали о вольной жизни, да не улыбнулась им судьба. Интересно, как они жили до вступления в банду? Неужели у них было всё так плохо, что они решились на такой шаг? Кто знает, в любом случае я у них спрашивать не собирался. Я был уверен, что через несколько дней, все они будут мертвы.

Жаль, что мясо запивали водой. В моих мечтах к кабану подавали здоровый бокал крепкого эля. Но где ж его взять-то в лесу? Этого я никогда не понимал, Борода рассказывал, что разбойники постоянно пьют, а вот где брали алкоголь, об этом его истории умалчивают. Не грабили же они деревни? Там охрана, как-никак. Да и простой люд не лыком шит! Какогреет дубиной или вилами кольнёт, мало не покажется.

Мои размышления снова прервали, на этот раз это был Торвальд:

– Слышь, Малец, а ты чавой-то в разбойники подался? Говоришь, грамоте обучен, ремесленник хороший, а попёрся в лес. Какого такого черта, а?

– Не любили меня в деревне, не могу я там жить, – не знал, что ответить я.

– Не любили, ишь ты, – перекидывая меня он. – Я вот вообще людей не люблю, и что? Тут должна быть другая причина, признавайся, чего натворил, а? Ограбил мож кого? Ну, Марфа не считается, её хатку ты обнёс уже после того, как решился бандосом стать.

– Воровал я, это было, но кто за пару яблок вешать станет? Выпороть могут, было, да, не раз было. Жить мне там нормально не давали, потому и ушёл, – угрюмо ответил я.

– Уйти ты мог в любую другую деревню, даже в город мог податься с твоими знаниями. Тоже не любишь людей? Так в лес мог пойти жить, построил бы себе халабуду у речки, да рыбу ловил. Продавать мог бы её, было б на что жить. Бабу може себе нашёл, но нет, ты сразу попёрся к нам. Признавайся, гадёныш, чего случилось? – не отставал он от меня.

– Да ему Борода все уши прожужжал про нашего брата. Вот он и повёлся, – стал меня защищать Чистюля.

– И что, и всё? Пряма-таки повёлся на байки старика? – все ещё не верил мне Торвальд.

– Ладно, ладно. Расскажу я всё, – нехотя сказал я. – То, что люди меня не любили, это плохо, но да, можно было просто уйти. Вот только был у меня отец, ненавидел меня люто. Мать меня когда родила, так и померла сразу. Он меня в этом винил, бил постоянно, дома спать не давал, заставлял бухло ему приносить, издевался по-всякому. А тут, несколько месяцев назад, повстречал я бывшего следопыта королевской гвардии, он меня и научил ножи метать. Потом даже подарил их.

– Ха-ха, подарил! Прирезал ты его! Во сне, небось. Чего таить-то! – довольный своей догадкой воскликнул Торвальд.

– Нет, мы с ним, как бы это сказать, подружились, что ли. В общем, недавно меня местные мальчишки побить хотели, да я одному из них ухо отрезал, а когда вернулся домой, отец начал пинать меня за это. Ножи хотел отобрать, – я сделал небольшую паузу, чтобы перевести дыхание. – Не знаю, как это произошло, но в сознание я пришёл, когда тело батьки моего превратилось в одно кровавое месиво.

Тут все притихли. Начали переглядываться, перешёптываться, я ловил на себе косые взгляды, стало как-то не по себе. Тут Торвальд перегнулся через стол и начал махать передо мной пальцем туда-сюда.

– Я знал, я знал! Увидел я в тебе жилку убийца, ха-ха! – с довольной рожей кричал он. – Молодец, пацан, молодец!

Он сел на место, а не мог даже моргнуть. Я рассказал ему, как по мне, ужасную историю, а он меня ещё и хвалит? За что, спрашивается?

– Чё, малой, понять не можешь? А говоришь грамотный, – вступил в разговор Глазастый. – Дурень ты. Мы тут все кого-то убивали, и я не про то, как солдат валили. Все тут и баб насиловали, и убивали за просто так, удовольствия ради. Говорил я тебе уже об этом, а до тебя все никак не дойдёт. Не в овечьё стадо ты попал, а к самым что ни есть волкам!

Сказав это, он ударил кулаком по столу и толпа радостно взревела. Он смотрел мне в глаза и откусил кусок своего мяса с таким видом, с каким едят хищники. Довольный своей добычей, он всем видом показывал мне, что это только с его позволения я сейчас сижу за этим столом и могу с него есть. И моя история про то, как подросток убивает своего отца – всего лишь детская сказка, которую он с удовольствием послушает перед сном.

– Вот я, например, – продолжил он. – Я был капитаном у одного из баронов, а он постоянно с соседями воевал. Так мы после каждого удачного рейда на вражескую деревню всех баб там оприходовали. Старались не убить, чтобы в следующий раз было кого, хе-хе, оприходовать-то. А потом нас разбили. Те, кто выжил, прятались в лесу. Поначалу мы грабили врага, как могли, били исподтишка. Но потом мы вошли во вкус! Организовали банду, и пошли по миру гулять. Вот мы и тут. Из тех ребят, остались только Торвальд и Хориган, – угрюмо закончил свой рассказ капитан.

Теперь понятно. Если вожак стаи любит убивать и насиловать, значит, вся стая будет любить убивать и насиловать. Ужас какой. Никогда таким не стану. Не стану ведь?

– Можно спросить? – тихонько произнёс я и после одобрительного кивка продолжил. – А в охране каравана бабы бывают?

Тут всех порвало от смеха. Намёк все поняли, ржали так, что воздух сотряслся. Я тоже смеялся. Что поделаться, нужно вливаться в коллектив.

– Ой, господи, ох и Малец, который раз уже за сегодня смешишь, – вдруг заговорил Чистюля. – Ты пожрал? Спать пошли, завтра рано вставать и много топать.

Спать это хорошо. А спать с полным пузом – ещё лучше! Мы поковыляли до своих палаток, я снова лёг в свою любимую позу – мешок в обнимку, кучка рванья на другом рванье – подушка и постель. Мешок я обнимал не просто так. Если его под голову положить, его оттуда и вытащить легко, да так, что и не проснёшься. А вот если обнять его, тот тут уж никому и в голову не придёт его вытаскивать.

– Эй, вы там, дрыхнуть ушедшие, а ну ходи сюда! – услышал я голос Торвальда.

Ничего не понимая, мы переглянулись и пошли назад к столу.

– Чё вылупились, оболтусы? Если Малец батяню порешал, то каким боком он в город к Бороде пойдёт? Его ж искать будут, а найдут – казнят за убийство! – выпалил Торвальд.

– Об этом мы как-то не подумали... – замаялся Чистюля.

– А как бы мы думали, если когда мы думали, мы не знали, что об этом надо думать? – похоже, что Красава успел заснуть и ещё не проснулся.

– Не переживайте вы, – попытался всех успокоить я. – В нашенском частоколе я все дырки знаю, пролезу в ту, что к дому поближе, ежели труп батьки лежать будет – значит ещё никто не знает. Если не будет, значит тикать буду.

– А до Бороды кто пойдёт? – не унимался Торвальд.

– А как мы раньше с ним связывались? – поддержал меня Чистюля. – Он каждую ночь следит, подали мы сигнал или нет. Всё равно завтра мясо везти никто не будет, так что всё пойдёт по плану. Не паримся и ложимся спать!

– Кроме того, это вечером он сидит в таверне, а днем он особо никуда не ходит, дома сидит, у него какое-никакое, а хозяйство есть. Дома его найду, – предложил и другой вариант я.

– А если Мальца поймают, что тогда? Сдаст он нас и крышка! – начал было грозиться Торвальд.

– Я лучше перережу себе глотку, чем доставлю этим ублюдкам удовольствие пытать и казнить меня. Да и не знают они, что я к вам подался, с чего они вообще меня про вас спрашивать будут? – попытался я окончательно убедить своего нового друга.

– И то правда. Всё, Тор, давай спать уже. Ты тоже иди, тебе ещё завтра молот полировать, или что ты там делаешь с ним перед битвой, иди уже, – Чистюля смачно зевнул, чем, похоже, окончательно уговорил Торвальда, потому что тот тоже широко открыл пасть и не то что зевнул, а прям какой-то рёв издал.

Мы развернулись и опять поплелись спать. Не хотелось уже ни о чем думать, просто лечь спать. Но меня мучал один вопрос: интересно, мне меч или хотя бы топор дадут перед битвой?

* * * * *

Ночью мне снился какой-то бред, основанный на последних событиях. Снилось свино-ферма тётки Марфы, я там объедался до отвала мясом, потом сам превратился в свинью, попал на стол к разбойникам и они меня съели. Слава богу, на этом я проснулся.

На улице все ещё было темно, но солнце вот-вот уже должно было встать. А прохладненько, однако, сегодня. Надо бы обзавестись себе тёплой шкурой, да попрочнее. Прикреплю её поверх своего, не побоюсь этого слова, доспеха. Тогда и тепло станет, и от шального удара защита будет.

Несмотря на бредовые сны, я хорошо выспался, так что был полон сил и готов к походу. У костра сидел Патлатый, молча смотрел в огонь. Похоже, он не спал всю ночь. Время ещё было, я увидел остатки мяса, большое количество мелких кусочков, и решил подкрепиться перед дорогой. Кто знает этих двоих, может они проснутся и сразу в путь-дорогу, а как говаривал батюшка Рональд, кто рано встаёт, тому Бог подаёт. А как говорю я, кто рано встаёт, того и тапки, так что я встал рано, мясо моё и всё тут!

Для начала я умылся в одной из бочек с водой. Вода была холодная, аж зубы сводило. Подойдя к столу, я поймал себя на мысли, что лежат куски нетронутого мяса. Мы-то поели отлично, но у нас же четверо костлявых! Я нашёл их взглядом, они тут как тут, смотрят на меня голодными глазами, полными мольбы. Я потянулся было к мясу, как голос подал сидевший у костра Патлатый:

– Не давай им ничего, – негромко произнёс он.

Даже головы не повернул, а сидел он ко мне спиной. Глаза на затылки у него, что ли?

– Почему? – тоже негромко спросил я.

– Это мясо хозяина. Тебе он разрешает брать, значит, ты можешь брать. Им нельзя, они не могут. Ты не хозяин, ты не можешь давать, только брать, – как-то странно он разговаривал, не местный видать.

Я пожал плечами, нельзя так нельзя. Костлявые сразу поникли и продолжили дальше лежать на земле. Выбрав несколько подходящих кусочков, я нанизал их на нож и подсел поближе к костру.

– Почему ты назвал капитана хозяином? – спросил я.

– Он спас мне жизнь. Он хозяин, – ответил так, как будто это для него очевидно и по-другому быть не может.

– Откуда ты? – продолжил я свой допрос. – У нашего народа однозначно не такие понятия.

– Ваш народ глупый. Нет чести. Я воевал с вашим народом, трусливые воины, нет чести. Я воин племени мабори. Мы живём далеко отсюда, – с какой-то грустью в голосе он говорил, наверное, скучает по родным землям.

– Тогда как тебе жизнь спасли, если вы были врагами? – удивился я.

– Хозяин не был враг. Я был в плену, хотели казнить. Хозяин вытащил, – его род искрился в подобии улыбки.

– Это он тебе сказал, что он твой хозяин? – не унимался я.

– Нет. Я ему сказал, что он мой хозяин. Я отдаю долг, – не без гордости сказал воин.

– А как давно ты в банде? И разве тебе нравится то, что делает эта банда? – меня удивило, что такой благородный воин делает в такой шайке.

– Банда убивает свой народ. Люблю убивать ваш народ. Банда насилует свой народ. Я люблю насиловать ваш народ. Это я делал до хозяина, теперь делаю пять лет с хозяином, – снова улыбнулся мой собеседник.

– Ого, пять лет? Сколько же он в разбойниках? – удивился я.

– Не знаю, – пожал он плечами.

Пока мы разговаривал, мясо немного подогрелось вблизи огня, и я принялся завтракать. Патлатый молча сидел и смотрел в огонь. Наверное, вспоминал о тех временах, когда жил дома. Я ел и смотрел на него, смотрел и думал. Никакой он не благородный воин. Возмещает долг за спасение своей жизни тем, что убивает и насилует людей по приказу Глазастого? Так это ему нравится. А убивая детей и беременных, он оправдывает себя тем, что он делает это не по своей воле, а что так велел хозяин? Сволочь он, вот кто. Нет чести у нашего народа. У тебя нет чести, если ты позволяешь управлять собой таким мерзким типом, как Глазастый. Ещё и гордится этим. Надеюсь, он сдохнет вместе с костлявыми во время грабежа. Хотя это маловероятно, он действительно был похож на настоящего воина. А, ну его, я даже рукой махнул, пойду я будить своих попутчиков.

Уже и рассветать начало, я сам себе поднял настроение после разговора с Патлатым тем, что я выспался, поел, полон сил и самое главное, иду на своё первое дело. Я направился к нашим палаткам, но Чистюля и Красава уже суетились.

– Молодец Малец, раньше всех встал, – похвалил меня Чистюля, – не будем тратить время, умываемся и вперёд.

Что ж, я был готов. Немного погода, мужики тоже собрались, мы отодвинули наши маскировочные ворота, те самые, через которые вчера мы сюда попали, и двинулись в путь. В этот раз я пытался запомнить дорогу всеми силами, в голову пришла идея оставлять разного рода знаки, по которым бы мог ориентироваться, в случае чего.

– А ну не трожь ветку! – вдруг гаркнул Красава.

– Что, хочешь, в случае чего, дорогу назад найти, да? А мы что, по-твоему, по запаху назад идём? Так дня через два и мой запах тут не услышишь, – отшутился Чистюля. – Иди за мной и следи за моими руками, я буду показывать тебе наши указатели, их тут полным-полно.

На полном ходу Чистюля каждую минуту то левой, то правой рукой показывал мне на один из указателей, и через некоторое время я заметил определённую закономерность и уже через полчаса пути я перестал обращать на них внимание.

Я думал о своём возвращении домой, в Лесную. Причём я не о проникновении домой и обратно, в случае того, если тело отца я там не найду. Я думал как раз о ситуации в точности до наоборот. Если я вернусь, а папка будет лежать там, где я его оставил, то это открывает мне совсем другие возможности. А что если сказать, что разбойники убили отца, мол, ограбить хотели, да не нашли ничего ценного. В тот же вечер у тётки Марфы сожгли амбар, а один из разбойников украл два мешка мяса – вполне в духе разбойников. Я воспользовался доверием Бороды, который, как я знал, был сообщником убийц моего любимого папеньки, он помог мне их найти. А дальше я за ними проследил и нашёл их лагерь и теперь вернулся за помощью. Народ позовёт дружинников, выдвинет своё ополчение, и всё, прощайте, несчастные разбойнички, теперь вас будут убивать.

Чем дальше мы шли, тем сильнее такие мысли оседали в моей голове. А что, я ведь тогда ещё героем стану, сам в одиночку лагерь нашёл! Городская дружина, бедная, уже все сапоги

истоптала, может, ещё к себе позовут. А служба там престижная, меня уважать будут, да и в город перееду тогда. Вот тогда заживу!

“Не обманывай себя, – сказал я сам себе, – как только ты позовёшь на помощь, неважно кто придёт на призыв – обвинят тебя. Даже если ты и расскажешь про лагерь разбойников, тебя повесят вместе с ними”. Да, вот в этот вариант я верил больше, чем в спокойную, да ещё и почётную жизнь. В любом случае разбойники мне и то ближе, чем жители Лесной. Когда я оттуда уходил, насколько я помню, меня посещали мысли сжечь деревню дотла вместе с её жителями, так что лучше буду придерживаться этого курса.

Шли мы по лесу уже часа как два. Воздух был свежий, дышалось легко, правда, запахи варьировались от цветов лаванды до медвежьего навоза. Помёт их есть, а самих не видать. Вот нагадили и убежали, а я уже три раза прочувствовал всю мощь их кишечника. С другой стороны, медведи у нас лютые. Хай лучше гадят, где хотят, лишь бы не повстречать такого, вмиг сожрёт. Тут мои способности бросаться ножами не помогут, у него шкура толстенная, это его только разозлит. И бегают они быстро, и на дереве от них не спрячешься. Даже не знаю, что и делать.

Я один раз встречал живого медведя в лесу. Наверное, мне чертовски повезло, потому что я его не видел сначала, а когда заметил, делать что-то было уже поздно. Я оказался в паре метрах от него. Чуть в штаны не наложил от страха, но вида не подал, просто продолжил идти, как ни в чём не бывало. Он тоже оторопел, увидев меня. Он там ягодами наслаждался в тишино-одиночестве, а тут ходят всякие. Вот и весь мой опыт общения с медведями.

Я шёл, полностью погрузившись в свои мысли, Чистюля с Красавой о чём-то негромко разговаривали, но я не вникал, о чём. Да и неслышно было, я отставал от них на несколько шагов. Не хотел им мешать, мало ли что они там обсуждают. До Волосатого холма оставалось не более получаса ходьбы, которые я провёл, обдумывая свои действия в Лесной.

– Ну, вот и пришли. Теперь дело за тобой, Малец, не подведи нас, – сказал мне Красава.

– Да всё нормально будет, я шестнадцать лет бегал от всей деревни, а тут дел-то на полчаса, – хвастанул я. – Всё, я пошёл, не скучайте тут.

– Ты это, возвращайся, Малец, – бросил мне Чистюля.

План у меня был готов. В прошлый раз я двигался от деревни к свиноферме, сейчас я решил её обогнуть, сделав крюк лесом. Ничего сложного, но, как оказывается, даже в обычном походе необходимо немного удачи. Пока мы шли втроём к Волосатому холму, по пути мы видели несколько белочек. Ещё, кажется, олень вдалеке пробежал разок. Но вот как только я остался один, не прошло и десяти минут, как я повстречал огромного, разъярённого хряка! Клычища у него были здоровенные, от таких никакой доспех не защитит, не говоря уже о моей кожаной тунике. Хряк уставился на меня, шерсть чёрная, встопорщенная, башкой мотыляет взад-вперёд. Страшно-то как! А носом как сопит, жуть, сейчас точно бросится на меня!

Я не знал что делать, руки потянулись за кинжалами, но я и понятия не имел, куда их в него бросать. Каким бы хорошим моё оружие не было, но такого хряка оно явно остановить не могло. Кто знает, что было бы дальше, но только кабан ринулся на меня, как его голову пробила длинная охотничья стрела. Зверина кубарем прокатилась несколько метров по земле и остановилась практически у самых моих ног. Я продолжал стоять, как вкопанный, ничего не понимая. Взглядом я попытался найти моего спасителя.

Он, а точнее, они, не заставили себя долго ждать. Из кустов вышло несколько человек, вооружённых луками и в полном кожаном снаряжении. Судя по всему, это были охотники, причём профессиональные. Луки у них были не обычные, как у местных наших, а длинные, во весь рост. Такой подходит не только для обычной охоты, но и ценится даже среди королевской армии. На шее у них был то ли зелёный шарф, то ли маска. Интересно, зачем им скрывать своё лицо?

– Парень, ты с дуба рухнул, или как? – окрикнул меня один из них, наверное, тот, кто меня спас. – Если видишь такого матерого кабана в лесу, взбирайся на ближайшее дерево и молись, чтобы оно выдержало удар.

– Я испугался, даже не знаю, что на меня нашло, – попытался оправдаться я.

– Эх ты, испугался он. Так не ходи в лес тогда, коли не можешь не то что со зверьём, а с собой-то сладить. Ты чей будешь? – поинтересовался охотник. Он же охотник, я надеюсь?

– Из Лесной я, сын кожевника, – после этих слов мне удалось расслышать, как кто-то произнёс: ”А, ну теперь понятно”, вероятно, их привлёк вид моего снаряжения. – Спасибо вам большое, что спасли мою несчастную душонку. Вы, наверное, охотники?

– Охотники? Ну, в какой-то мере да. Только охотимся мы на людей, – ухмыльнулся он.

– На людей? Это ж как так, – не на шутку удивился я.

– А вот так. Дезертиров ищем, разбойников всяких, именитых преступников, – а вот после этих слов у меня сердце ушло в пятки. – За них всех наш славный король Торбен платит звонкой монетой. Да и народ честной меньше страдает, коли избавить его от всякого сброда. Из Лесной, говоришь. Мы как раз туда направляемся, говорят, у вас здесь разбойников много. Дружинникам даже возвращаться запретили, пока всех не переловят. Да только куда им, леса они не знают так, как положено.

– Разбойники у нас есть, это все знают. Да вот только, найти их никто не может. Как же вы сможете их найти, если здешних мест не знаете? – мой вопрос вызвал только смех у всех.

– Парень, мы охотники за головами, эта наша работа находить людей там, где этого никто не может. И лес нам знать не надо, и так всё понятно. Если где-то прошёл человек, мы об этом сможем узнать по следам. Ну да ладно, ты нам дорогу-то покажешь, до деревеньки своей?

А вот это было плохо. Я собирался проникнуть незаметно, как я им объясню, что вон ребята, ворота, а меня щель в частоколе ждёт. Плохо всё как, ой как плохо.

– Конечно, проведу вас, до ворот самых доведу, как до таверны нашей дойти расскажу, а сам... , – тут я запнулся, не успел я ещё придумать, что же я там сам.

– А сам, небось, девок щупать на сеновале пойдёт, да о своей геройской битве со страшным зверем ведать бабам будет, – вдруг заржал один из охотников.

Сам того не подозревая, мужик-то меня спас. Я бы да такого в жизни не додумался бы! Я-то, девок-то, не щупал никогда... и чего их вообще щупать?

– Я трофея не заслужил, но если бы вы мне хотя бы хвостик от этого кабанища дали, то и девка б моя, глядишь-таки, то же бы..., – промямлил я, господи, как стыдно, до меня только сейчас дошло, что я совершенно ничего не знаю о девках.

Мужики, конечно, от души поржали, но хвост мне и вправду дали.

– Держи, малый, заслужил. Только в следующий раз, если опять будешь столбом стоять перед диким зверем, то это тебе отрежут твой хвостик, – мужики опять заржали, а я вот ничего не понял, у меня же нет хвоста. Наверное, это такой юмор у них.

– Спасибо вам большое, добрые люди, – поблагодарил я их.

– Да не за что! Так, тушку мы заберём, вот и ужин у нас бесплатный, считай, только нужно будет его ещё приготовить, – задумался главный их.

– А вы отдайте его в таверну нашу, хозяин Родар вам и приготовит его, а если ещё что не съедите, ему оставите, он вас может и заселит бесплатно на ночь! – порекомендовал им я.

Ага, как же, заселит он. За готовку сдерёт столько, как за своего кабана, и за ночёвку возьмёт втридорога. Но, как бы там ни было, а выдвигаться уже пора было.

– Звать-то тебя как? – вдруг спросил один из них.

– Азиэль я, – смысла скрывать своё имя у меня не было, в деревне меня все знают.

– Азиэль? Странное имя. И какое-то знакомое, – охотник задумчиво чесал подбородок.

– Что-то связанное с религией, по-моему, – подхватил второй.

– Так и есть, один из чертят носит такое имя, – пояснил я. Своих имён они мне не назвали.

Некоторое время прошло, пока охотники нашли подходящее дерево и смогли наладить перенос кабана. С одной стороны, я должен был вывести всех к дороге и спокойно по ней топтать в сторону деревни, но повстречать обильное количество знакомых мне совсем уж не хотелось.

Благодаря тому, что даже двое здоровых мужиков с трудом несли добычу, мне с лёгкостью удалось уговорить всех пройти через лес коротким путём. Вот только проблема была в том, что короче путь этот не был. И я догадываюсь, что охотники в итоге смогут это понять, особенно, когда мы будем делать широкий круг, чтобы обойти свиноферму. С другой стороны, можно было вполне рискнуть и пойти через свиноферму, наёмники меня не знают, а к хозяйке семейства мы заглядывать не собирались.

Такой путь был действительно короче, и до самых ворот мне идти не требовалось, так что я с уверенностью зашагал вперёд. По дороге охотники между собой переговаривались, обсуждали здешние земли, по очереди задавали мне разного рода вопросы. По большей части они спрашивали о местности, но и про вкус местного пива не забыли спросить.

Я поймал себя на мысли, что мне было намного приятнее с ними общаться. И это несмотря на то, что их работа – убивать других людей, что делает, их, по сути, убийцами. Может быть, это потому, что убивали-то они плохих людей, как раз таких, как... как я. Я же теперь никто иной, как разбойник, убивший отца, убивший другого человека ради куска мяса. Неужели не было другого выбора? Да был он, конечно, я только недавно об этом думал. Прочь, прочь эти мысли, что сделано, то сделано, и пути назад нет.

Мы вышли из леса и перед нами раскинулись зелёные луга, на которых Марфа пасла своё стадо. Виднелась уже и дорога, ведущая от свинофермы к Лесной. Было страшновато, ничего не скажешь. Но я успокаивал себя тем, что меня никто не видел, погони за мной не было, а ферма хоть и недалеко от деревни, но они туда не каждый день ходят и вряд ли знают, что папанька мой уже не первый день на том свете. И да, про “тот” свет мне неоднократно рассказывал наш святой батюшка Рональд. Так что я не подавал вида о своих внутренних страхах и спокойно шагал впереди остальных.

Вдоль свинофермы мы прошли без происшествий, мои спутники поинтересовались, кто хозяин этих земель, а я уж Марфу разрекламировал, как мог. Дойдя до дороги, я распрощался со своими спасителями, пожелал всевозможных благ и удачи в поисках разбойников, хотя последнего мне никак не хотелось. Я неспеша пошёл чуть сторону, как раз в ту, в которой находился лес.

Как только охотники скрылись из виду за ближайшим поворотом, я что есть мочи ринулся в лес. Кто знает, быть может, меня уже ищет вся деревня, и когда охотники опишут паренька, которого спасли, жители деревни ринутся во все стороны меня искать. А там самосуд и привет вилы. Или повесят. Или батюшка Рональд выдаст какую-нибудь изощрённую версию казни, у него там в священном писании столько всего написано по этому поводу, что не каждый палач такое знает.

Вскоре я оказался у нужной мне щели в заборе, просунул голову, осмотрелся – никого. Ну и прекрасно, я пролез и быстренько побежал в сторону своего бывшего жилища. По дороге никого не встретил, и вот стоя на пороге своего дома, где только пару дней назад я убил своего отца, на меня нахлынул прям первобытный ужас. Такое ощущение, что я сейчас призрака увижу. Я приоткрыл дверь, но вместо призрака на меня набросился тошнотворный запах разлагающегося трупа. Я с трудом сдержал порыв рвоты. Господи, вот это вонь! “Вот что значит жаркая погода” – подумал я.

Пройдя по дому, я обнаружил тело отца там же, где и оставил его. Сначала у меня были мысли спрятать его где-нибудь, закапать во дворе или типа того, но теперь даже сама мысль о прикосновении к... этому... фу, нет, пусть крысы его сожрут. Кстати, а вот и они. Да много-то как. Что ж, приятного аппетита, подумал я, и поспешил покинуть дом. Чего-то ценного, что

пригодилось бы мне в моей новой разбойничьей жизни, я припомнить не мог, так что ничего меня здесь не держало.

Первая задача была выполнена – никто не знает о моем преступлении. Теперь к Бороде! Его дом был не так уж и близко – на другой стороне деревни. Но и там я знаю все ходы, так что я вернулся к частоколу и пошёл вдоль него по внешней стороне. Пройдя шагов триста, обнаружил с удивлением для себя, что некоторые дыры и щели были залатаны с помощью подручных средств. Хотя, чего удивительного, тут у многих своё хозяйство, а через такие вот дыры не только я лазить могу, но и лиса или там белки какие. Медведь, конечно, не пролезет, но и ходить сюда они тоже не любят.

А вот и нужная мне щель. Её как раз заделывать никто не стал. Наверное, Борода слишком ленив, щель-то как раз у его дома. Только я наполовину залез в просвет, как тут меня по лбу как шарахнет!

– Ага, попался, мелкий воришка! – узнал я полный радости голос Бороды. – А ну, сейчас я тебя! О, Ази, ты что ли? Это ты, гад такой, кур моих ворует?

– Все люди – как люди, заделал дырку в заборе – и нет проблем! А ты, старый козел, на лису ловушку ставишь такую, что человека убить может! – поругал я его, боль была ужасная, и кажется, у меня сломан нос.

– Поделом тебе, будешь знать, как старика обкрадывать! – пнул меня старикан.

– Да на черта мне нужны твои куры!? Я по делу к тебе, от братвы, – тут Бороду аж перекосило всего.

– Давай встать помогу, – он протянул мне свою руку, не смотря на его возраст, рука у него была крепкая. – Таки встретился ты с ними, молодца. Пошли в дом, а то мало ли чё. Да и умыться тебе надо.

Он помог мне встать, голова немного кружилась, но передвигаться я мог. Мы вошли в его хижину, уютной её, конечно, не назовёшь, но тут довольно-таки чистенько и ничем не воняет. На входе стояла бочка с водой. Борода дал мне миску, чтобы я мог умыться нормально. Всё-таки с переломом носа я переборщил, просто кровь пошла, кости были целые. Я умылся и сел на табуретку напротив хозяина дома.

– Ну, чё там. Приняли тебя? – Борода разговаривал негромко, вероятно, боялся, что могут подслушать.

– Да приняли, приняли. Дело к тебе есть. Слыхал, тётку Марфу позавчера грабанули, амбар сожгли и мясо вынесли?

– Слыхал, конечно, слыхал. Вся деревня только об этом и говорит. Ещё собак двоих прирезали, да охранника одного. А ты откуда знаешь? – удивился старик.

– Так а кто, по-твоему, обнёс-то её, а? – ехидно спросил я. – Я это был, я.

Тут у Бороды глаза на лоб полезли, чуть со стула не упал от удивления.

– Ты? Батюшки, это ж как тебя угораздило-то? Ты же тихий-мирный был всю жизнь – не мог поверить старик. – Вот это да! Ты и вправду ещё тот чертёнок!

– Думать надо было, когда имя мне такое давали, – парировал я. – Там, в лесу, среди твоих друзей, я просто божий одуванчик. Ты мне совсем другое рассказывал, старик! Знал бы я, кто эти люди и как они живут, ни в жисть бы не согласился к ним идти!

– Чаво это я тебе другое рассказывал. Всё, как есть, я тебе говорил, просто время у них теперь иное, трудно им приходится. Таких, как ты, им побольше надо, чтобы свежая кровь была, да светлая голова, – тыкая в меня пальцем, проговорил он.

– Да нет, таких, как Бранн им побольше надо, чтобы пожирней, да по вкусней был. Жрать им нечего, старик, жрать! – я даже прикрикнул на него. – Если б я Марфу не обчистил, да мяса им мешок не отдал, пустили бы они меня на колбасу. Там у них четверо таких лежит, подкармливают их объедками, чтоб не подохли, да слопают потом.

– Господи помилуй, говорили они мне, что дела у них плохи, что перебои с едой, но не думал я, что настолько всё плохо, – вздыхал старик, видать, небезразличны ему были разбойники эти.

– Ничего, план у нас есть, как и дружинников перетерпеть, и как пропитанием обеспечить себя, – обнадёжил я его. – Только вот понять я не могу, ты-то здесь сидишь, в тепле, еды у тебя вдоволь, вечером пивко пьёшь каждый день, чем тебе братва-то дорога так?

– А ты и не знаешь, да? Никто не знает, и тебе не надо бы, – грустно сказал. – Ты лучше скажи, чего за план там у вас?

– Да нет уж, старик, давай рассказывай, чего там у тебя с ними. Я из-за тебя преступником стал, а ещё не поздно было в хорошие люди податься! – пожаловался я ему.

– Сын у меня там, – буркнул он. – Не о такой жизни я для него мечтал. Но он был военным у одного из баронов, воевать всё время хотел. А потом их разбили. Да ещё глаза он лишился.

Етить-колотить, да он же о Глазастом говорит!!! Представляю, какая у меня рожа была, даже челюсть отвисла. Но старик совсем не обращал на меня внимания, и продолжал дальше говорить, как ни в чём ни бывало:

– Потом он ко мне пришёл, вспомнил он, откуда у него корни растут. А раньше, ещё до того, как он к бароном ушёл, такой мальчишка славный был. Эх... – тяжело вздохнул старик.

– И чего ж это его воевать-то потянуло? А кем ты был раньше, а, Борода? – тут меня начали посещать интересные мыслишки...

– А, что? – не расслышал, или сделал вид что не расслышал он.

– Был ты кем, говорю!? – громче спросил я, хотя был уверен, что он все и в первый раз услышал.

– А, да что я, я был простым бандитом с дороги... – нехотя ответил он.

– А-а-а, ну конечно, батя у него всего лишь бандит с дороги, который ещё удивляется потом, что сынок весь в отца пошёл! – съязвил я. – И как долго ты был разбойником?

– Ну как, сколько себя помню. Чуток подросли с местными ребятишками, да пошли на дорогу, кого по дороге встретим, того и грабим. “Кошелёк или жизнь” – вот так вот мы всегда говорили, – по его лицу растеклась тёплая улыбка.

– Так вот откуда у тебя столько рассказов было про разбойничью жизнь. Ты про себя рассказывал! – мои догадки оказались верны! – Но как тебе удалось дожить до старости лет? И кто те другие местные ребятишки? Может я знаю кого или померли все?

– Померли. Давно померли. И местные они для меня, а не тебя. Я же не в Лесной родился, а далеко-далеко отсюда, в Хадане, – он даже прищурился, как будто смотрит далеко вдаль.

– Хадан? Никогда не слышал об этой стране. А где это? – поинтересовался я.

– А о многих ли ты странах вообще слышал в этой богом забытой деревне? Хадан граничит с Салодоном, раньше это была одна великая страна, но потом гражданская война расколола её. Последние пару столетий они живут в мире, но все же это две разные страны. И ни в одну из них я бы советовал тебе никогда не соваться, – старик говорил на полном серьёзе.

– Это почему же? – тут же спросил я.

– Там живёт суровый народ. Это у вас здесь плодородные земли, леса, реки и множество озёр. А у нас там, особенно в Хадане, одна лишь пустыня, не мёртвые земли конечно, но люди борются каждый день за свою жизнь. Еды не хватает, воды очень мало, люди убивают друг друга каждый день, а в больших поселениях каждый год подсчитывается население, и если оно превышает норму, лишних людей изгоняют или убивают, смотря, что выгоднее. И живность там, не белки с бобрами, а змеи да скорпионы. Ай, ты же даже не знаешь, кто это. – махнул рукой старый бандит.

– Жутко-то как у вас там. Но откуда ж мне знать про живность? Расскажи! – мне было очень интересно, даже голова перестала болеть.

– Это такие ядовитые твари, есть маленькие, не больше твоей ладони, это скорпионы, а есть змеи, длинные и не очень, но все они очень опасны – один укус и поминай, как звали, – я слушал его с неподдельным интересом. – Но хватит уже рассказов, надеюсь, ты никогда туда не попадёшь. Давай рассказывай, какой у вас там план был?

Я посидел немного, переваривал информацию. Получается, отец Глазастого был очень даже не простой старик. Кто знал, кто знал! Похоже, никто не знает о прошлом старика, ни в самой деревне, ни в братве. Иначе бы первые его боялись, а вторые бы относились поуважительней. Ну ладно, у меня ещё будет время осмыслить всё, так что я быстро изложил ему наш план по ограблению каравана и его роли в этом.

– А что, неплохой план. Я давненько не хаживал к этой старой жабе, да и за свининкой соскучился. А то всё курятина да яйца, надоело уже, – проворчал старый разбойник. – Как узнаю, в какой день караван соберётся выезжать, так и за ночь до этого подам вам знак, костёр большой разведу недалеко от Волосатого холма, так что увидите.

На том и порешили. На прощание Борода дал мне пару ошипанных курей, чтоб нам было, что на холме поесть. Я не стал ему показывать, что у меня целый мешок вяленой свинины, караван может отправиться завтра, а может и через седмицу. Также он пообещал мне, что если узнает, что я кому-то рассказал о сегодняшнем разговоре и я буду жив, то в следующую встречу он меня ошиплет и зажарит на костре. Лично я ему поверил.

Голова у меня уже не кружилась, чувствовал я себя хорошо в физическом плане, но вот голову мою посещали тысячи мыслей! К Волосатому холму я шёл на автопилоте, думая постоянно о проведённом разговоре. Борода не обычный алкаш из таверны, рассказывающий байки, он настоящий разбойник, доживший до таких лет! Сколько конкретно ему лет, я не знал, но по виду лет шестьдесят было точно. И родом-то, родом из загадочной страны Хадан! Хотя, чего уж тут, я, кроме Лесной, ничего и не видел. Для меня всё загадочное. Пустыня говорит, ядовитые звери, как же жить там? И если там живут настоящие воины, почему они не воюют с нами, а наоборот, торгуют? На крайний случай, могли бы и просто к нам переселиться, земли у нас полно, всех прокормит.

Я не заметил, как подошёл уже к подножью Волосатого холма, у меня всё ещё осталось полно эмоций, после разговора с Бородой. Как же хотелось рассказать всё Чистюле с Красавой! Но нельзя, нельзя. Не от страха, что старый разбойник меня потом убить может, а из уважения к нему. Странно, что Глазастый никому не рассказал про него. Ну да ладно, надо придумать, чем занять себя, пока будем ждать сигнала. Кто его знает, сколько это дней будет.

Колючки, колючки, кругом одни колючки. Как я рад, что у меня такое хорошее снаряжение! Нас тут точно никто не найдёт – никому и в голову не придёт, что в таком месте можно прятаться. А вот и мои друзья – сидят, как ни в чём не бывало, видать, тоже так думают.

– Здорова, мужики! А я вам тут пожрать принёс! – я потряс перед их рожами двумя отличными курицами.

– От Малец, не только живой, он ещё и едой разжился, – подивился Чистюля. – Кого обнёс на этот раз?

– Да никого, Борода дал. Ёлки-палки, Чистюля, я и забыл, как ты благоухаешь, – посмеялся я.

– А вот поэтому я от него ни на шаг не отхожу, не то нос отвыкнет, – тоже продолжил тему Красава.

– Ой-ой-ой, какие мы нежные! – Чистюля и сам не прочь посмеяться. – Костром лучше займитесь, надо курочек приготовить. Малец, ты же у нас повар, давай, работай!

– Ничего себе, еду – достань, потом приготовь, а вы только жрать будете? – возразил я им. – Нет уж, дудки, давайте вы костром занимайтесь, а я потом, так уж и быть, пожарю их.

– Ну ладно, ладно, не ворчи. Я костром займусь, – сказал Чистюля. – Красава, пошли за дровами, если не хочешь, чтобы твой нос от меня отвык.

– А костёр разве не привлечёт к нам внимание? – подивился я.

– Привлечёт, конечно, но у нас что, на лбу написано, что мы разбойники, что ли? Да и кто полезет на этот холм посмотреть, кто тут чего жарит? Мы, если что, увидим их первыми и спустимся с противоположной стороны, а тебе никто ничего не сделает. Эм-м, не делает же? – уже не так уверенно говорил мой пахучий друг. – Что там у тебя дома?

– Дома у меня запах ужасный и крысиный пир. Тело слишком быстро разлагаться начало, я сперва думал, что закопаю его, но когда увидел, решил оставить его крысам, – меня аж пере-косило при одном воспоминании, как выглядело то, что осталось от моего батеньки.

– Эвон оно как. Ну, хоть грызуны рады будут. Ладно, мы по дрова пошли, а ты пока посматривай по сторонам, – махнул рукой Чистюля и они ушли.

Солнце уже скоро будет садиться, может быть, ещё час или два будет светло. Несмотря на то, что скоро мы будем есть одну из этих прекрасных курочек, я решил отрезать себе маленький кусочек из своих запасов. Всё-таки, вяленая свинина со специями из Салодона намного вкуснее любой курятины.

Мои друзья, если их можно так называть, вернулись где-то через полчаса. Когда они закончили с костром, я принялся за готовку курицы. Часть я пожарил, часть сварил в небольшом котелке, который оказался в вещах у моих спутников. Уже окончательно стемнело, и мы, наконец-то, принялись за еду.

– Вы вот скажите мне, что за невезение, я с вами ходил по лесу довольно много за последнее время, но кроме белок мы никого не встречали, – решил завести разговор я.

– Ну почему, утром я видел лисицу и пару барсуков, ты просто не заметил, – пожал плечами Чистюля.

– Я немного не про это. Только я ушёл от вас в деревню, десяти минут не прошло, как я повстречался с огромным кабаном, который, не раздумывая, на меня напал, – тут они недоверчиво переглянулись. – Что, опять не верите, да? А посмотрите на это!

Я достал свой трофейный хвост, и передал им в руки, чтобы они могли оценить размерчик. Покрутили они его, повертели, и тут Красава кинул мне его обратно:

– Кабан, как кабан, по хвосту-то не поймёшь, – пробубнил он.

– Ну, похоже, Малец и вправду повстречался с кабаном, – подытожил Чистюля. – У страха глаза велики, кабан твой, небось, размером с быка был?

– Жопа твоя размером с быка! – огрызнулся я. – Это был самый большой хряк, из всех, что я видел! А у Марфы они, хоть и домашние, но размером не обижены.

– И как же ты ему хвост отрезал? Вежливо попросил? – съехидничал вонючка.

Я вот даже не знал, что лучше. Рассказать им про то, что на нас охотятся профессиональные головорезы, или это их напугает и весь наш план пойдёт коту под хвост. Кто их знает, испугаются сейчас, и будут опять из лагеря носу не высовывать да людей жрать. Тут я вспомнил совет, который мне дали охотники – видишь кабана – лезь на дерево.

– Нет, я на дерево залезть успел, а он так разогнался, да как бабахнет своей башкой, я думал, всё, сейчас и дерево сломается, и кранты мне, – тут я развёл руками в стороны, мол, вот и сказочки конец.

– Так, а хвост-то ты где взял? По нему видно, что свежий, – похоже, я их и заинтересовал.

– Так у меня же кинжалы метательные есть. Я достал один, но сверху вниз кидать неудобно, да и руки от страха у меня тряслись, вот я и попал ему не в голову, а в задницу, отрезав ему попутно хвост, – тут мужики заржали, и я вместе с ними, представив себе ситуацию. – Он бегал по кругу, визжал от злости и боли, в итоге нож выпал, и он куда-то побежал.

Мы посмеялись от души, мужики поверили моей басне, и хорошо. Мы ещё потрепались о всяком, но у меня из головы не выходил разговор с Бородой. Я начал было уходить в себя, но тут Чистюля завёл со мной интересный разговор:

– Ну что, Малец, не жалеешь ты, что в разбойники подался? Как тебе наша братва? Образ жизни? Нравится спать под открытым небом на лохмотьях, питаться чем попало? – поинтересовался он.

– Ну, не всё так плохо. Общаюсь я только с вами, хотя другие, честно признать, меня немножко пугают, – признался я. – С едой пока у меня всё в порядке, а лохмотья планирую заменить после ограбления каравана.

– Это мы ещё посмотрим, как оно будет, сдохнуть там не боишься? – как-то злобно он усмехнулся.

– Да нет, с чего бы это. У меня четыре метательных кинжала, управляюсь я с ними даже лучше, чем я думал. Не буду нарываться, а кто на меня побежит, тот и получит в глаз, – уверенно сказал я.

– А не думал ты, что мог и по-другому поступить? Не в разбойники сразу бежать, а сказать, что батьку твоего собака загрызла, к примеру? Или что тебя вообще не было несколько дней, ты домой пришёл, а там труп уже крысы едят? – не отставал он от меня.

– Думал, конечно, думал, – признался я. – Я думал уйти в лес, подальше к реке, построить себе там шалаш какой-нить на первое время, ловить рыбу, собирать полезные травы, потом приторговывать этим всем.

– Ага, рыбаком значит, решил заделаться. И не боишься ты сам жить в лесу? – спросил он.

– А чего мне бояться? Я никого не трогаю, да и меня не зачем кому-то трогать, – пояснил я.

– Ага, ага, и звери тебя трогать бы не стали, чего уж там, живёт человек в лесу, они тоже в лесу живут, прям родственники, да? – не унимался он.

– А что звери, люди давно научились с ними жить в лесу, – пожал я плечами. – Купил бы капканов, соорудил бы разные ловушки, глядишь и добычу какую поймал.

– Ну, хорошо, вот ты стал умелым рыбаком, построил себе домик небольшой, со зверьём сладил, но рыбу-то продать ещё надо! А у тебя будут конкуренты, один из которых пошлёт малого своего или чужому заплатит, чтобы тот с утра всю рыбу тебе распугал, – он совершенно не хотел успокаиваться, интересно, почему.

– Да что я, со зверьём сладил, а с мальцом не справлюсь? – удивился я.

– Конечно, справишься. Убивать ты его не станешь, а вот побить сможешь. А он всем в деревне и расскажет, что купаться полез, кто ж знал, что ты там рыбу ловишь, и ты его жестоко избил. Взрослый мужик избил маленького мальчика, ай-яй-яй, – покачал головой он.

Я смотрел на него широко раскрытыми глазами. Ничего не могу понять, чего он ко мне приклеился.

– А потом что ты будешь делать, когда к тебе придёт не маленький мальчик, а завалятся пять-шесть человек с факелами и вилами, сожгут твой дом, и тебя вместе с ним, если убежать не успеешь. Что, что ты тогда будешь делать? – его голос уже срывался на крик.

– Чистюль, ты чего? Что с тобой? – испуганно спросил я.

– Зря ты книжки читал, Малец, похоже, ты только дурнее от них стал, – тут вступил доселе молчавший Красава. – Чистюля он жил той жизнью одинокого рыбака в лесу, только с разницей, что он был не одинок.

– Да, Малец, я жил в лесу со своей семьёй. Я, жена моя, две доченьки и сын, на тебя похож был, тоже высокий, худощавый и с темным волосом, – тихонько проговорил он. – Сначала было всё хорошо, никто и не думал о плохом, жили припеваючи.

Я внимательно слушал. Он рассказывал о том, как каждое утро ходил со своим сыном на рыбалку, днём с ним ездил продавать рыбу в деревню, жена воспитывала дочек, учила их шитью, готовке и другой женской работе. А потом, как-то все пошло наперекосяк. Спать обычно все рано ложатся, но тут доченька его, меньшая самая, услышала или увидела что-то на улице, ей стало интересно, и она вышла посмотреть. Когда Чистюля с топором выскочил на

странный шум во дворе, он увидел, как серый волк жадно грызёт шею его дочери. Убить волка он-то убил, но зверь забрал с собой и жизнь его дочери.

Жалко девочку, ничего не скажешь. Но и ей надо было дома сидеть, позвать старших, у них спросить, что там во дворе, если так интересно. Лишилась жизни по такой глупости. Но на этом рассказ Чистюли не закончился.

Каждый год они собирали грибы, которые росли неподалёку от их дома, и вот снова наступил сезон. Они пошли всей семьёй по грибы, но тут, откуда ни возьмись, на его сына напал медведь, и прежде, чем все поняли, что происходит, было уже поздно. Одним ударом медведь убил парня, а им осталось только бежать. Позже, убитый горем отец пошёл на то место и нашёл недоеденные останки своего отпрыска. В лес решили больше никогда не ходить, ограничались только рыбалкой.

Чистюля замолчал на несколько минут, собираясь с мыслями, и продолжил свой печальный рассказ. В деревне, в которой его семья продавала рыбу, появился какой-то богатый торговец из города, он тоже продавал рыбу. Точнее, у него для этого были свои люди. Эдакий рыбный магнат. Сперва он по-простому предложил Чистюле торговать где-нибудь в другом месте. А где ему было торговать, деревни там не растут, как грибы. До ближайшей деревеньки ему день ходу был. Естественно, он отказался. Да и сам он был не из робкого десятка, боялся он не за себя, а за свою семью, но ему и в голову не пришло, что могло произойти то, что было дальше.

Поначалу начали прибегать на место рыбалки местные мальчишки, купались прямо там, где мой друг ловил рыбу. Он попытался их прогонять, но и они снова и снова приходили каждый день, ещё и дразнили его, в общем, мешали ему всеми судьбами. Однажды рыбак не выдержал, подстерёг их и кому успел, тому всыпал по первое число. Но малыцы, словно этого и ждали – на следующий день, когда Чистюля пришёл в деревню, его закидали там камнями и прогнали – мол, он нападает на бедных детей, которые всего лишь хотели покупаться на речке. Никому и в голову не пришло, что покупаться они могли и рядом с деревней, а не черт знает где возле хижины рыбака.

Проклиная бога, Чистюля вернулся домой, но обнаружил, что его дом горит, а оставшаяся дочь вместе с женой лежат бездыханные во дворе. Со слезами на глазах, отец мёртвого семейства увидел, как через лес уходили несколько человек, громко смеясь. По этому смеху он узнал одного из людей того богача, что велел ему убираться отсюда. В тот день он поклялся отомстить всем, кто был причастен к гибели его семьи, включая отстрел всевозможных волков и медведей.

Тут он откинул свои вонючие лохмотья, и я понял, наконец-то, чем же он него так штынило! На его груди было три больших ожерелья, одно из волчьих клыков, второе из медвежьих когтей, а третье из человеческих ушей. Как оказалось, убитый горем рыбак знал банду Глазастого. Как-то раз к нему в дом пожаловал никто иной, как сам Красава с парой, теперь уже мёртвых, разбойников. Но пришли они его не грабить, а попросили убежища, честно признались, что бандиты. А Чистюля и не отказал – накормил рыбой, упрятал от поисковой бригады. Так они и познакомились, подружились. Красава не раз к нему заглядывал потом. Так что, как связаться с разбойниками Чистюля знал.

Когда он пришёл в лагерь, рассказал свою печальную историю, Балан не раздумывая согласился помочь. Баланом оказался наш Глазастый. Так вот, как его зовут. На следующий день они напали на людей богача. У них они вызнали, где живёт их хозяин, потом повесили на том месте, где была хижина Чистюли. Той же ночью они напали на поместье самого торговца, и тут братва показала истинную свою силу. Несмотря на большую охрану, разбойники вмиг их разбили, собрали всю семью купца, которая насчитывала четверо дочерей и двое сыновей, а так же жену и самого ублюдка. Чистюля собственными руками медленно замучил до смерти всех членов семьи на глазах у их отца, наслаждаясь муками их родителя.

Кроме всего прочего, он отрезал всем им уши, сделал себе первое ожерелье. После всего, когда остался в живых один купец, Чистюля оставил его жить, сказав ему напоследок, что именно он, отец этой семьи виноват в их смерти. Так же добавил, что самое жестокое, что может с ним сделать бывший рыбак – это оставить его в живых. Далее разбойники разграбили всё поместье, вынесли они оттуда, по словам моего друга, очень даже немало всего. Закончил свой рассказ разбойник тем, что каждый раз, когда он видит волка или медведя, он борется с ним до конца, потому что двое его детей погибли от лап этих зверей.

Да уж, что тут скажешь. Мне было жаль старика, вот это хлебнул мужик горя. Многие теряют родных целыми семьями, оставаясь в одиночестве, но совершенно при других обстоятельствах: оползень там, или эпидемия. Война, наконец. Но чтобы вот так, когда на твоих глазах раздирают твоих детей... Это ужасно.

Господи, послушав истории других людей, как они стали разбойниками, я начинаю понимать, каким идиотом я был, каким трусом! Нормальный человек ни за что не станет бандитом по своей воле. Борода вон жил в стране, где друг друга убивают за глоток воды, с ним все понятно. Глазастый, сын его, насилие у него в крови, и то он стал разбойником только тогда, когда барона его разбили. Сперва партизанил, а потом и во вкус вошёл. Да и что ему оставалось делать? Идти в наёмники, служить какой-нить карге Марфе? Нет, конечно. А Чистюля? За него и думать не хочу, жаль мужика.

А как я себя жалел-то ещё два дня назад, каким ничтожеством я был! Я слабак, вот кто я. Да, убил я отца, давно надо было это сделать. И не ждать, пока нервы не выдержат, а сделать всё по-умному, чтобы меня не обвинили. А я сразу же хвост поджал и бегом в разбойники. Кому я тут нужен? Здесь люди, объединённые либо общим горем, либо общим умением и желанием насилия, а у меня, по сути, ни того ни другого нет. Я прямо-таки чувствовал отвращение к себе.

– Я ещё долго не смогу заснуть, давайте я первый на карауле, а вы ложитесь спать, – всё, что смог я сказать своим спутникам.

Я просидел на карауле почти до утра, не стал будить их, пусть поспят. От Бороды знаков не было никаких, никого другого я тоже не видел, разве что птицы пролетали. За пару часов до рассвета, Чистюля-таки проснулся, и погнал меня спать. Делать было нечего, я попытался уснуть. Как и всю ночь, перед сном я думал о том, какое же я убожество.

* * * * *

Я проснулся уже ближе к полудню, причём меня никто не будил. Первым делом, я заметил, что мои друзья общаются, да не друг с другом! От испуга я подскочил, схватившись за кинжал, мало ли чего, но увидел, что разговаривают они ни с кем иным, как с Бородой.

– Во как подорвался, что, испугался меня, Малец? – задорно сказал мне Борода, как будто намекая: что, гад, я по твою душу, разболтал тут всем, о чем мы вчера говаривали.

– И тебе не хворать, Бородатый мужик, и вам тоже утро доброе, – поздоровался я со всеми.

– Дык уже полдень, какое утро – рассмеялся Чистюля. – Ты всю ночь сторожил, мы тебя будить не стали. Собирайся давай, пора возвращаться в лагерь.

– Как, уже? А что случилось, мне же тоже интересно! – прям не вериться, что не пришло и дня ждать.

– Мы тебе по дороге всё расскажем. Вот, бери, поешь, – он протянул мне кусок жареной курицы. – Малость остыла уже, но ничего, так поешь.

– Спасибо, попробую, как лесные люди жарят курятинку, – поблагодарил я.

– Лесные люди? Мы что, дикари тебе какие-то? – подивился Чистюля. – Ладно, хорош болтать! Времени в обрез, по дороге пожрёшь.

Мы попрощались с Бородой, он пожелал нам удачи в нашем нелёгком деле, и двинулись в путь. Пока я ел сухое куриное мясо, мне рассказали, о чем же был разговор с нашим общим другом.

Оказывается, утром он ходил к Марфе, сказал, что выглядит она как огромная жирная свиноматка, а сыновья её – заплывшие жиром увальни. Борода пришёл купить немного вяленого мяса, и действительно купил, хоть и жаловался на то, что семейка такая же жадная, как и жирная. Пока они торговались, он заметил, что караван уже начали грузить, и ему довелось узнать, почему они собираются в путь так поздно утром. Обычно это делают на рассвете, чтобы до города успеть дойти к вечеру. По словам хозяйки же, они водят караваны не утром, а ночью, потому что как раз такого от них не ожидает никто – ни разбойники, ни другие какие-либо бандиты. Мяса он купил, нам не принёс, типа, у нас скоро своего полно будет, пожелал ей и всему её семейству и даже скоту не хворать, себя беречь.

Вот те на, подумал я. Караван ночью вести будут, к утру придут в город, и сразу торговать начнут. А что, экономия времени, да и дороги ночью пусты. И нам это на руку – атаковать из засады под покровом ночи намного проще. По поводу охраны караваны Марфа тоже проболталась, что будет пятнадцать человек наёмников, и вести их будут двое её старших сыновей-богатырей. Она так гордилась своими детьми, что считала, один вид их распугает любого бандита. Да уж, видел я тех боровов, им и оружие не надо – живьём сожрут.

Что ж, в итоге получается семнадцать человек. Немало, немало, и вооружены они все хорошо. Но у нас и людей чутка больше, и луков достаточно. Используем момент неожиданности, и человек пять, думаю, успеем убить, пока они поймут, в чем дело. Мне бы надо себя проявить на первой битве, постараюсь держаться поближе к Чистюле с Красавой, ножей у меня всего четыре, но парочку, надеюсь, я смогу убить. И надо будет обязательно стырить нормальный меч, а если ещё и щит хороший урвать, то я у нас буду экипирован лучше всех!

Шли мы скорым шагом, Чистюля с Красавой на эмоциях обсуждали план нападения, прикидывали, где лучше устроить засаду, как лучше напасть. Если я проснулся в полдень, то ходу нам и вправду нужно прибавить, иначе попадём только к вечеру, а в потёмках собираться неохота. Да и тем более план действий нужно обсудить со всеми.

К лагерю мы дошли где-то на час раньше, чем обычно. Ничего по дороге интересного не произошло, разве что я споткнулся и упал пару раз. Мы вошли в лагерь, все были удивлены нашему приходу, зато все были в сборе, кроме караульных ребят.

– Собираемся, собираемся, быстренько! Хориган, пошли людей за караульными, времени мало! – тут же начал с порога командовать Чистюля. Вероятно, его очень уважали в этом лагере, учитывая, какие ожерелья он носил.

– Че стряслось, Чистюля? Караван уже выдвинулся, что ли? – удивлённо спросил Торвальд

– Нет, но они будут идти ночью, и к рассвету уже достигнут города, так что нам нужно пошевеливаться! Надо ещё обсудить план, – торопливо говорил бывший рыбак. – Мы тут с Красавой по дороге прикинули пару идей, давайте садиться за стол.

Ах, какой азарт был в их глазах! Я еле-еле успевал улавливать смысл того, что они говорят. Они разговаривали быстро, чётко, со знанием своего дела. Каждый из них был уже опытным воином, предлагались самые различные идеи нападения. Все были в восторге от того, что нападение будет проведено ночью. Тут вернулись и ребята с караула. Глаза у них сияют, засиделись мужики на деревьях, тоже жаждут битвы. Даже костлявые приободрились – ведь если ограбление пройдет удачно, то они наконец-то смогут нормально питаться, и возможно, перестанут уже быть костлявыми и их примут, как членов банды.

Ещё ничего не произошло, а мужики уже начали делить добычу: кто меч забил, кто кольчугу, кто шлем захотел, а кто-то даже сказал, что ничего не надо, мяса ему побольше дать и

хватит. Спор разгорался, уже чуть было не дошло до драки, но тут вожак банды гаркнул на всех один раз, и все успокоились. Стали подводить итоги:

– Значится, так. Разбиваемся на две группы... – тут начали по именам перечислять первую группу, за тем вторую, я попал с Чистюлей и Красавой в первую. – Для начал первая группа даёт залп, эти уроды развернутся к вам, открыв свои спины для второй группы, которая тоже после этого даёт залп. Луков всего девять, так что четыре даём в первую группу, пять во вторую. У них должен начаться хаос, вперёд выбегают костлявые и пытаются отвлечь их внимание. Опосля этого нападаем все одновременно, никого не щадить. После быстро собираем все, что можно снять с этих уродов, и бросаем в телегу. Вместо лошадей там будет две пары волов, если верить Бороде, так что отвязываем их, и ведём к нам в лагерь. Мясо у нас вяленое будет, так что в первую очередь будем питаться зверьём. Всем всё ясно?

Братва издала своего рода боевой клич из разных улюлюканий и прочих возгласов. Начали собираться, разбились по группам, и пошли. До места, где мы хотели устроить засаду, идти нужно было около двух часов. Уже было довольно-таки темно, караван тоже должен был начать выдвигаться. Прикинув, как медленно тащатся обычно волы с такими тележками, мы рассчитывали, что в засаде просидим не более двух-трёх часов.

Пока шли по лесу, кто-то подстрелил белку, после чего с него смеялись минут десять. Кому нужна несчастная белка, когда через несколько часов у них будет столько мяса, что хватит до конца года, если не больше.

Когда мы пришли на место, уже окончательно стемнело. Снова повсюду был слышен стрёкот сверчков, иногда ухала сова, было слышно и других птиц, но их названий я не знал. Мы устроились кто-где: за деревьями, в кустах, кто-то подполз поближе к дороге и попросил усыпать его листьями. В общем, маскировались по полной. Я устроился в кустах вместе с Чистюлей и Красавой.

Перед нами, осыпав друг друга листьями, почти у самой дороги, устроились костлявые. У них был свой план. Когда лучники дадут залп, рядом с ними может упасть один из убитых, и тогда они смогут забрать его оружие. В любом случае они хотят использовать эффект неожиданности и вчетвером наброситься на ничего не подозревающего врага.

Пока мы лежали, мне пришла в голову другая мысль. А что, если они захотят пересидеть под листвой начало битвы? А когда заварушка пойдёт по полной, они просто встанут и убегут в сторону деревни? Там скажут, что их разбойники держали в плену, а сами они ничего плохого не сделали, ещё и лагерь весь наш сдадут. Я решил поделиться этими соображениями со своими друзьями, на что Чистюля сразу мне ответил:

– Не ссы, Малец, не убегут они никуда и они об этом знают, – заверил меня Чистюля. – Темно не темно, но наши ребята стрелять умеют. Как только придёт время для ближней атаки, а они отлёживаться станут, их начнут отстреливать, несмотря на бушующий бой. Слишком много они знают, чтобы рисковать.

Это меня и вправду успокоило. Мы продолжали лежать, затаив дыхание. Прошло несколько часов, не могу сказать точно сколько, но я уже начал было засыпать. Азарт почти прошёл, как вдруг я услышал скрип приближающихся колёс. Вот оно, подумал я! Сердце заколотилось так, словно сейчас выпрыгнет из груди, в глазах на секунду помутилось всё. Было одновременно и страшно, и интересно, это ведь мой первый бой!

Правда, тут на меня нахлынули мысли, что убивать я буду простых наёмников, честных людей, которые своей кровью пытаются прокормить свою семью. Так, прочь, прочь нехорошие мысли! Бой, и только бой, убивать, сосредоточиться только на этом. Я должен убить как минимум двоих, сказал я себе.

Луна светила довольно-таки ярко. Когда караван начал приближаться, можно было заметить, как свет отражается от кольчуг охранников. “Вот бы мне такие доспехи” – подумал я! Многие были без шлемов, да что там многие, почти все. Их можно было увидеть сложенными

на тележках, некоторые даже щиты свои туда сложили. Это радовало, очень радовало. Я как раз хотел себе щит. Потом я заметил, что на одной телеге сидят два брата, сыновья тётки Марфы. Они и правда внушали страх: огромные, в чешуйчатой броне из толстой кожи, проклёпанной по всей поверхности металлом. На коленях у обоих из них лежали здоровенные булавы. Не хотел бы я с ними связываться!

Мы ждали, тихо все ждали. Вот первый охранник поравнялся с одним из наших со второй группы, все приготовились. И тут, как только он прошёл середину нашей засады, полетели стрелы. Не знаю, что там говорил Чистюля про меткость наших стрелков, но смертельным оказался только один выстрел. Остальные стрелы лишь ранили троих из охранников.

Всё пошло, как по маслу. Не ожидавшие атаки наёмники засуетились, бросились к телегам за своими шлемами и щитами. Те, кто был при полной экипировке, развернулись в нашу сторону, открыв свои спины под обстрел второй группы. Наши не заставили себя ждать – последовал залп от второй группы, трое из врагов упали на землю, пошёл ещё один залп от нашей группы, ещё двое упали замертво.

В рядах противника начался хаос, как мы и планировали. Ещё не увидев врага, уже треть из них лежало на земле. Не давая им одуматься и встать в оборонную позицию, с боевым кличем ринулись в бой обе наши группы. Чистюля и Красава, тоже крича какие-то ругательства, побежали на врага. Я быстренько встал, метя в ближайшего противника бросить кинжал, но тут в бой вступили костлявые. Они повалили противника, и зубами вцепились в него: кто в горло, кто в руки, один даже кусал его за ногу. Наёмник визжал от боли, но не мог ничего поделать.

Я тоже закричал, надеясь, что это будет похоже на боевой рёв, но, по-моему, это больше напоминало визжание испуганной курицы. С ножом в руке я побежал вперёд, пытаюсь найти себе цель. Но, похоже, что наши ребята брали верх. Я видел, как Красава и Чистюля вдвоём зарубали одного, другого сразил могучий молот Торвальда, но потом мой взгляд привлекла летящая в мою сторону голова одного из наших, по-моему, Торопыги.

Двое братьев, два огромных кабана, они с удивительной для них ловкостью орудовали своими булавами, у них под ногами уже лежал с пяток мёртвых разбойников. Рядом с ними были и последние трое выживших охранников, вероятно, один из них и обезглавил беднягу Торопыгу. Могучий Хориган кружился в танце смерти с одним из братьев, Балан с другим, Торвальд и остальные теснили наёмников. Тут вышли наши лучники и практически в упор расстреляли последних защитников каравана. Однако, броня у братьев была настолько толстая, что наши слабые луки не могли её пробить. Эх, нам бы такие, как у спасших меня охотников за головами, даже жир бы не уберёг этих боровов.

– Давайте, подходите, отребья! Ну, кто хочет отведать моей булавушки? – крикнул один из братьев.

Никто с ними связываться не хотел, даже Хориган и Балан выглядели потрепанными. И тут я заметил брешь в броне у нашего врага – у них были отличные шлемы, полностью закрывавшие лицо, и прекрасный доспех, но между ним и шлемом была открытая шея сантиметров пять.

– Эй, свиной жир, погляди сюда, – крикнул я, стоя с передней тележки.

Внимание я их привлёк, хоть они и оставались наготове, но самое главное – один из них поднял свою голову в мою сторону, чем открыл свою шею. Я вложил всю свою силу, волю, ловкость, не знаю, душу вложил в этот бросок. Мой нож попал прямо в незащищённую ничем шею, полностью погрузившись в неё, не осталось даже торчащего кончика. Боров, захлёбываясь собственной кровью, смотрел на меня дико удивлёнными глазами.

– Булька, н-е-е-ет! – проревел его брат, с выкатившимися глазами.

– А че, вариант, – вдруг услышал я голос Торвальда справа от себя, и увидел, как он со всей силы метнул свой молот во вторую свинью.

Говорят, новичкам везёт. Торвальд попал прямо в голову второму из братьев, шлем не смог выдержать такой удар, и треснул. Впрочем, как и череп хозяина. Несколько секунд все стояли, выпучив глаза, переводив взгляд то с мёртвых братьев, то на меня с Торвальдом. А потом толпа взорвалась победным ликованием, иногда я мог разобрать похвальные слова в мою сторону. Что ж, я был горд собой, пусть я не завалил двоих, как хотел, зато одолел самого, эм-м, жирного из них.

Меня похлопывали по плечу, говорили самые разные одобрительные слова. Я посмотрел на Балана, тот с улыбкой молча кивнул. Тут подошёл Хориган, и тоже хлопнул меня по плечу, да так, что я еле-еле удержал равновесие:

– Ну что, Малец, какую добычу себе хочешь? Думаю, – он оглядел толпу, – никто не будет против, если Малец выберет первый?

Толпа одобрительно улюлюкала, я посмотрел на все то добро, что разбросано на дороге, и не знал, что же лучше взять. Шлем Бульки? Он хорош, но великоват для меня, это, скорее всего, возьмёт Хориган или Торвальд. Можно было бы найти неповреждённую кольчугу, но... А, черт с ним, возьму что хотел раньше:

– Могу я взять меч и щит? – тихонько спросил я.

– Ха-ха, конечно, бери. Тут этого добра полно, взял бы чего поинтереснее. Но, как хочешь, другим больше достанется, – смеялся Хориган, – я вот себе шлем этого буйвола возьму, хорош, ничего не скажешь.

– Грузите всё в телегу, что пригодится, и уматываем отсюда, – распорядился Глазастый.

Все начали суетиться, добывать раненых, если такие были, снимать с мёртвых тел снаряжение, некоторые надевали его прямо на месте, несмотря на кровь бывших хозяев. Остальное грузилось в телеги, которые уже успели отцепить от тянувших их быков. Я же чуть не забыл извлечь свой нож из горла Бульки или как его там. Было мерзко, липко, но все же я это сделал. Спустя несколько минут всё было готово, и мы двинулись в обратном направлении, несколько человек шло сзади, и пытались как можно лучше скрыть наши следы. Ещё одна группа людей пошла совсем в другую сторону, чтобы симитировать уход разбойников в другом направлении. После этого они должны были тщательно замести все наши следы, что было довольно тяжело, ведь с нами была телега и целых четыре вола.

Оружие у всех наёмников было одинаковое, как и щиты. Мечи прямые, из хорошей стали, на удивление совсем не тяжёлые. Щиты тоже были простенькие, сделаны из дерева и окованные железом. Так что я особо не заморачивался с выбором, взял первое попавшееся и гордо зашагал вперёд. По дороге шёл вместе с Красавой и Чистюлей, первого, кстати, ранили в плечо, но он и виду не подавал. Хвалили они меня, нарадоваться не могли. “Теперь уж точно тебя тут все уважать будут, и никто не посмеет тебя тронуть” – говорили они мне. Ну и ладушки, мне большего и не надо. Возвращаясь в лагерь, у меня было чувство, что я возвращаюсь домой. И я уже не чувствовал себя ничтожеством, как было это вчера.

Мы вернулись в лагерь уже почти к рассвету. Я сразу прильнул к бочке с водой, и напился, и умылся, устал жуть просто. Остальные сразу же начали выкладывать добычу на стол, кроме, разве что, мешков с мясом. Их и много было, и надобности не было. Все уже давно решили – кто не хочет чего-то брать себе из оружия, снаряжения или одежды, тот получит дополнительное количество мяса. Как по мне, мяса было столько, что мы вряд ли съесть все успеем, пока оно окончательно не испортится, даже если хранить его в мешках, зарытых под землёй.

Никакой минуты молчания в честь погибших не было – делёж добычи начался сразу. Нас осталось восемнадцать человек, на которых было тринадцать кольчуг, т.к. две из них Хориган привёл в полную негодность своим могучим топором. Было четырнадцать мечей и две булавы, а также одиннадцать щитов. Оружие наших павших товарищей и то, что было на них, отдали костлявым. Тех осталось трое, счастливы были, как дети.

Спустя примерно час споры окончились. Перечислять, что кому досталось, я не буду. Стоит отметить, что Чистюле перепала хорошего вида кольчуга, а Красава взял себе булаву. Кроме него, из нуждающихся в хорошем оружии, никто не имел достаточно сил, чтобы хорошо ею владеть. Когда все, наконец, утихло, посчитали мешки с едой – их оказалось пятьдесят три штуки. Они были такие же, как украл недавно я, килограмм по двенадцать-пятнадцать. Так как костлявые были всё-таки костлявые, поделили не на восемнадцать человек, а на пятнадцать, получилось по три мешка каждому. Торвальду, Глазастому и Патлатому по четыре, они себе ничего не брали из добычи, а пять мешков, так уж и быть, отдали костлявым.

С учётом моего краденого мешочка, у меня тоже было четыре мешка, но никто об этом не знал. Решили, что кроме восемнадцати мешков, чтобы у каждого было по одному, остальные закопают, дабы мясо дольше хранилось. И в первую очередь решили, что лучше зарезать одного вола сейчас, и сожрать его в ближайшее время. Даже оставшихся троих будет очень опасно выводить пастись за лагерь, а четыре это уже слишком. Тем более, они, кроме как на мясо, нам совершенно не нужны были. Зато у меня, в отличие от других, все равно осталось два мешка мяса, что меня почему-то очень радовало.

Все очень устали, и хотели спать, но Патлатый всё равно разжёл костёр и принялся заниматься волом. Откуда в нём только силы берутся. Я не стал долго думать, и лёг спать. Всё прошло намного лучше, чем я мог и мечтать, так что без задней мысли я сразу же плюхнулся спать.

* * * * *

Весь день я проспал без сновидений и проснулся только к вечеру. Впрочем, многие ещё спали, я обратил внимание, что вместо Патлатого занимается волом уже Балан. Хориган тоже не спал, в отличие от Торвальда, который храпел на весь лагерь. Если нас и найдут дружинники, то это всё из-за него, подумал я. Мясо уже и закопать успели, не хватало несколько человек, в том числе Чистюли с Красавой. Я начал искать их глазами, но тут оборвал меня Глазастый:

– В караул они пошли. Их очередь подошла. Как спалось тебе, Малец? – вдруг спросил меня вожак.

– Да нормально, без сновидений я спал. А когда они вернутся? А моя когда очередь? – тут же спросил я.

– Твоя очередь никогда, – неожиданно сказал он. – Ты рассказывал, что знаешь полезные травы, вот будешь ходить собирать. Заодно грибы высматривай. После ограбления каравана дружинники будут особо злы, и станут активно прочёсывать лес. Будешь ходить за травой и заодно расставлять ловушки. Не переживай, мы тебя научим.

Ого, вот это заявочка. Неожиданно. Не успел я обдумать всё, как он продолжил:

– Вернутся они через два дня, именно по столько времени у нас сидят в карауле. Говоришь, что ты не видел снов, пока спал? Во сне ты часто что-то бубнил, постоянно ворочался, пару раз даже закричал, – тут он меня очень удивил.

Странно, очень странно. Мне казалось, что я спал мёртвым сном. Ну да ладно, на меня в последние дни столько всего навалилось, что это неудивительно.

– Давай, помогай мне с этой тушей, я уже запарился, – резко перевёл тему главарь. – Чего вылупился, ты же сын кожевника, а у этого отличная кожа, сошьёшь всем ботинки нормальные.

Несколько часов мы провозились с тушей мёртвого животного. Когда мы закончили, уже все проснулись, поделили куски и принялись за готовку.

– На рассвете пойдёшь за травами, а когда вернёшься, сваришь супец нам. У нас тут где-то должен быть здоровый котёл для этого, – отдал приказ бывший капитан.

Супец, так супец. Все сидели за общим столом, даже костлявым выделили место на краю. Пока мясо жарилось, мужики с азартом обсуждали вчерашний бой. Меня снова несколько раз похвалили, всё же никто не ожидал, что мои ножи настолько опасны. Было весело, кто-

то даже предложил в следующий раз ограбить караван с элем, если такие вообще ходят. Не ходят, конечно, в каждой деревне есть своя таверна, где хозяин варит своё пиво. И не дай бог, если кто-то заявится со своим пивом или даже заикнётся, что в другой деревне оно вкуснее. Очень странно, но никто ни слова не сказал о погибших товарищах. Я не решился спросить почему, вероятно, так надо.

Мне было весело. Я чувствовал, что нахожусь среди своих. После того, как мы поели, я ушёл к своей палатке, лёг и смотрел на ночное небо, луна сегодня была особенно яркой, словно улыбалась мне. У меня было прекрасное настроение, я начал думать с позитивом о том, что делать дальше. Меня научат мастерить и расставлять ловушки. Дружинники, скорее всего, уйдут из леса скоро, не выдержат. Уверен, кого-то из них уже и звери сцапали, кто-то, может, дезертировал. Сколько они уже недель нас ищут? А тут если им ещё усложнить патрулирование леса, то они бросят это дело.

Или обозлятся, вернутся за подкреплением, и как придёт сюда тысяча солдат, живым не уйдёт никто из нас. Хотя, ради восемнадцати человек посылать тысячу? Никто на такое не согласится. Вот только я в этой части леса не бывал, не знаю, какие травы тут растут. Да и в одиночку бродить по незнакомой части тоже как-то сыкатно, если честно.

Пока меня посещали разного рода мысли, уже и рассветать начало. Я перекусил на дорожку, собрал свои вещи, надел щит, меч, но тут Глазастый меня окрикнул:

– Ты за травами идёшь, или дружинников рубать? Молись, чтобы ты первый их увидел, и беги, беги так быстро, как только можешь. Оружие тебе только мешать будет. Ты хоть меч в руках-то держал когда-нибудь? – презрительно сказал он мне. – Нет? Вот и брось каку, никто её не тронет, не переживай.

В принципе, всё логично. Но мысль о том, что мне придётся бегать от дружинников, меня вообще не радовала. Что ж, в таком случае, лишнее снаряжение мне и вправду будет только мешать. Я поинтересовался, в какой стороне мне лучше побродить. Порекомендовали идти по той дороге, по которой мы идём к Волосатому холму, только с радиусом в сто-двести шагов от неё, тогда и не заблужусь.

Мне открыли ворота, дали мешочек, куда можно было бы складывать травы да коренья, и я не спеша двинулся по знакомой тропинке. Тут я уже всё знал, пока ходил туда-сюда до Волосатого холма. Не так уж и далеко справа текла река Криворожка, прямо параллельно моему пути, а вот ориентира с левой стороны у меня никакого не было. Где-то там далеко идёт дорога из Лесной в город, но она была слишком далеко, чтобы на неё ориентироваться.

Я решил идти в сторону реки, но и не отходить далеко от знакомых мест. Не прошло и десяти минут, как я нашёл несколько хороших мест, где растёт много грибов. Ничего удивительно, места здесь далёкие от деревни, собирать их некому. Немного позже, кроме грибов, нашёл несколько полезных трав, среди которых была молодая сныть, кислица и хвощ.

Всё шло хорошо, ничего не предвещало беды. Весело пел соловей, солнышко пригревало, из диких животных никого опаснее белки я не видел. Я заподозрил неладное только тогда, когда вдруг, откуда ни возмись, передо мной возник человек с натянутой до самого уха тетивой.

– Ты?! – удивлённо воскликнул лучник.

– Я-я-я... – растерянно промямлил едва ли не обделавшийся от страха я.

– Что тут у нас? – спросил голос из-за кустов.

Если до этого я совершенно никого не видел, то тут, как из-под земли передо мной появилось несколько десятков человек в кольчуге и при полном вооружении. Оказалось, они просто передвигались ползком, и я не мог их видеть. На щитах у них был герб лорда Альфреда. Это были дружинники из города. Кажется, я начал терять сознание.

– Мы его знаем, – сказал человек, державший прямо перед моим лицом свой огромный лук. – Мы спасли этого паренька от кабана несколько дней назад, возле Лесной. Что ты здесь делаешь? – это уже был вопрос ко мне.

– Я... Это... – замямлил я.

– Отвечай! Быстро! – прикрикнул один из солдат, вероятнее всего, командир.

– Траву я тут собираю, – мысли путались в голове, нужно было что-то срочно придумать, не было времени, господи, сейчас точно обделаюсь.

Я протянул им мешочек с травой. Казалось, что охотник за головами, недавно спасший мою жизнь, даже не двумя, а одним глазом глянул на содержимое мешка, и только потом медленно опустил лук.

– Это не сныть. Ты перепутал. У сныти всегда три листика. Но именем всех богов, почему ты собираешь её так далеко от деревни? – вдруг спросил он.

Это хорошо, очень хорошо. То, что я один из разбойников они не знают. Это же охотники за головами, неужели они отыскивали какие-то следы, которые мы не смогли за собой замести, и идут прямо к лагерю?

– Страшно мне потому что, очень страшно, – это была правда, сейчас мне было очень даже страшно. – После нашей встречи, когда я вернулся домой, я обнаружил там троих разбойников.

Лучник впился в меня глазами, вероятно, для него это было пощёчиной – они были в деревне и не заметили ни одного следа там. Конечно, не заметили, там никого не было. Внимание дружинников я также привлёк.

– Они были у меня дома, пытались найти хоть какое-то снаряжение, – продолжил я. – Они точно знали, что мой отец был кожевником, но не думали, что он всё давно пропил. Я очень-очень испугался, но успел рассмотреть двоих из них.

Тут все оживились, многие не знают разбойников в лицо. Можно было описать кого угодно, но я понимал, с кем я имею дело. Если они обнаружили караван, а они его явно обнаружили, то их внимание не могла не привлечь голова Торопыги. Тут у меня уже в голове созрел вполне логичный план. Главное, не забывать, я простой маленький ребёнок, хотя многие в моём возрасте уже уходят в армию и из них делают настоящих мужчин. Ну да ладно, я не гордый.

– Один из них был рыжий такой, уродливый, с большим носом, – глаза лучника сузились, он явно узнал Торопыгу, – а второго я плохо разглядел, но у него была повязка на глазу.

Тут уже капитан дружинников расплылся в широкой ухмылке, явно узнав Глазастого. Они давно его ищут, уверен, у капитана с ним свои счёты.

– Третьего я не разглядел, по крайней мере, третьего разбойника, – я сделал максимально печальное лицо. – Третьего, кого я смог увидеть, это лежащего моего отца, из груди у него фонтаном била кровь. Они убили его.

– Так, а что ты не позвал охрану, дурень? – завопил дружинник.

– Почему нас не позвал, ты же знал, где мы, – с укором спросил лучник.

И правда, почему же я их не позвал? Вот это вот я как-то не учёл. А, я же маленький испуганный мальчик.

– Я испугался, – опустив глаза, сказал я, – ещё находясь там, и видя, как мой отец истекает кровью, я едва сдержал слёзы и убежал, боясь зарыдать в голос.

По лицам солдат было видно, многие из них явно меня презирали. Трусов никто не любил, что сказать.

– Я убежал в лес, в сторону Волосатого холма. После того, как я смог осмыслить, что произошло, я так испугался! Вдруг разбойники устроили лагерь где-то неподалёку от деревни? Я убежал в сторону города, чтобы всё рассказать тамошней страже, – они меня слушали, а это был добрый знак. – Но я никогда не заходил так далеко в лес и заблудился. Ночь провёл на

дереве, а потом, ориентируясь по солнцу, вышел к реке, и шёл вдоль неё, пока не проголодался окончательно.

Я даже животик погладил, мол, два дня уже не ел. Тут мне пришла мысль, что я в том же снаряжении, в котором меня видели головорезы, это хорошо. Где бы я в лесу переоделся?

– Я травы раньше собирал для нашего травника Элдота, он жадный до ужаса, но кое-чему меня научил, – продолжал я.

– Эх, парень, тебе просто дико повезло! – сказал неожиданно дружинник.

– У меня отца убили, какая тут удача? – а я и вправду удивился, не поняв, что он имеет в виду.

– Мы нашли тебя в получасе ходьбы от лагеря разбойников, – с очень серьёзным выражением лица сказал мне охотник за головами. – Если бы тебя увидел не я, уже бы повесили, как собаку.

– Л-лагеря? – они знают о лагере, боже мой, но как?

– Да, лагеря. Теперь картина более ясная, разбойники искали в доме твоего отца снаряжение, так как готовились напасть на караван, везущий вяленое мясо в город, – потирая подбородок, сказал головорез. – Значит, они заранее знали, когда отправится караван, это была не случайная засада. Скорее всего, у них свой человек в Лесной.

“А он умён, этот головорез в маске” – подумалось мне. Нужно сделать совсем уж глупое лицо, я ведь ничего не должен знать о караване.

– Эти псы вырезали всю охрану. Даже двух братьев смогли убить! – выпалил дружинник. – Видел бы ты этих двух жирдяев, я был уверен, что их ни один меч не возьмёт!

Пока мы разговаривали, остальные члены отряда, кроме головорезов, снова упали на землю и потихоньку перемещались в сторону лагеря. Они явно знали, куда идти, вернее, ползти. Похоже, что вешать меня не собирались, это хорошо. Уверен, на это все хотели бы посмотреть. Интересно только, откуда они точно знают, где лагерь?

– Но откуда вы знаете, где лагерь? Пока я тут бродил, ничего такого не видел, – попытка не пытка, вдруг расскажут.

– Мы нашли его. Точнее, мы нашли двух караульных, после недолгих пыток они всё нам рассказали, – ухмыльнулся капитан.

В одном из караулов были же Красава и Чистюля! Хоть бы это были не они, хоть бы не они!

– От одного из них так воняло, что даже парочку из моих парней стошнило, тьфу! – дружинник громко сплюнул. – А на груди у этого уроды было ожерелье из человеческих ушей! Это ж надо додуматься до такого! Тварь, а не человек!

Чистюля. Красава. Это были они. Не может быть. Главное, сдержать слезы, главное не разныться!

– Ублюдки хороши были в бою, ничего не скажешь, – продолжил свой рассказ старый вояка. – Нет, чтобы в честном полку служить, они в разбойники подались. Сволочи, простой народ грабить только и могут. Хорошо, что они помучились перед смертью!

Да что ты знаешь о жизни этих людей, скотина! Хорошо, что я не сказал этого вслух. Но, похоже, что мой взгляд переполняла ненависть, так как собеседники как-то странно на меня смотрели.

– Возьмите меня с собой, – не нашёлся я сказать что-либо другое.

– Че-е-г-о-о-о? – разинул пасть капитан.

– Возьмите меня с собой! – громче уже сказал я.

– Ты белены объелся? Хочешь, чтобы тебя там прирезали? Да и на кой черт мне в отряде мальчишка, который меча в руках не держал? – не унимался он.

– Я не вас прошу. Я вот его прошу, – я указал на охотника за головами. – Мне некуда больше идти, у меня нет ни родных, ни друзей.

– Это не мне решать, – он опустил свой пронзительный взгляд. – Если ты хочешь отомстить убийцам своего отца, что ж, можешь пойти с нами. Но если ты хочешь присоединиться к нам, это мы должны решать на голосовании, а ты вряд ли его пройдёшь.

Слова “Это уж точно” и “Да куда ему” прозвучали практически от каждого охотника, а кто промолчал, всем своим видом показывал, что никакое голосование я не пройду.

– Вы тут точно все с ума посходили, – продолжал ворчать капитан. – Делайте, как знаете, я за него ответственности нести не буду. Подохнет, так то на вашей совести будет. Всё, я пошёл наших догонять, лагерь уже близко.

Капитан пошёл скорым шагом в сторону лагеря, а я остался наедине с шестью головоре-
зами.

– Нужно идти, они скоро будут атаковать, – произнёс один из них и натянул свою зелёную маску.

– А у вас есть у кого-нибудь запасная такая маска? – поинтересовался я. Совершенно не хотелось, чтобы мою морду узнали в лагере.

Человек, который несколько минут назад целился мне прямо в лицо стрелой, достал из своей походной сумочки кусок зелёной ткани и протянул мне.

– Отто, ты уверен? Он же не... – начал было один, но человек, которого как оказалось зовут Отто, грубо прервал его.

– Он идёт сейчас с нами, и я за него в ответе. Сдохнет – плакать не буду, но пусть хотя бы умрёт как воин, – сухо сказал охотник.

Не знаю, что он имел ввиду, каким образом кусок ткани делает меня воином, но да ладно. Умирать я сегодня не собирался. Я понятия не имел, как они так красиво и удобно одевали свои маски, поэтому я просто обмотал всю голову, оставив только прорезь для глаз. Жаль до реки далеко, посмотреть бы на себя. Я не забыл выкинуть мешочек, в который собирал травы. Больше он мне не понадобится.

Мы тихонько пошли вперёд. Надо признаться, я восхищался тем, как передвигаются эти ребята. Двигались они быстро, и в тоже время их было практически не слышно. Я старался не отставать, но шума от меня было больше, чем от всего отряда. Через несколько минут мы догнали отряд дружинников, который уже не полз, но передвигался на присядках. Я решил держаться поближе к Отто, все-таки он единственный, кто по-доброму ко мне здесь относится.

Вскоре мы достигли лагеря. Дружина растянулась широким кольцом, дабы никто не смог ускользнуть. Мы держались отдельно от них – все шестеро охотников и я. Они молча достали стрелы и приготовились в любом момент пустить в ход своё смертоносное оружие. Я тоже приготовился и достал четыре своих метательных ножа. Мне стало интересно, почему мы стоим поодаль от основного отряда, но спросить не решился.

Спустя несколько секунд кто-то протрубил в рог, и солдаты, подняв щиты, издали боевой клич и ринулись в атаку. Несмотря на то, что я был на их стороне, мне всё равно было страшно, уж больно грозно всё это прозвучало. Представляю, как обделались разбойники в лагере. Тут мои новые друзья начали медленно натягивать тетиву, они словно наперёд знали, что произойдёт. На мой вопросительный взгляд Отто ответил мне следующее:

– Убийца твоего отца – это отличный командир, и когда в прошлый раз их поймали в засаду, ему удалось прорвать кольцо и сбежать, – пояснил он. – В этот раз такого не повторится.

Шум битвы было очень хорошо слышно: лязг оружия, стоны раненых, крики атакующих. Но тут среди всей этой шумихи я начал различать голос Балана. И этот голос приближался. Неужели и в этот раз ему удалось вырваться? Скорее всего, Торвальд и Хориган вместе с ним.

Так и оказалось. Спустя несколько секунд из тех ворот, через которые я только сегодня выходил, с бешеными глазами вылетели Глазастый, Торвальд, Хориган и Патлатый. Ни у одного из них не было щита, и каково же было их удивление, когда они увидели нацеленные на них шесть луков. Я думал, их возьмут в плен, чтобы казнить на площади в городе, но тут лучники

отпустили тетиву. Две стрелы попали в Хоригана, одна в сердце, другая рядом в грудь. Одна досталась Патлатому, прямо в его лысую голову. Торвальду тоже не повезло – ему попали в горло и он тут же начал захлёбываться собственной кровью.

Однако, несмотря на то, что в Балана было выпущено две стрелы, одну он отбил левым мечом, прикрыв своё сердце, а от второй банально увернулся, став полубоком. Он был всего в нескольких метрах от нас и, скорее всего, он мог бы в два прыжка оказаться прямо перед нами, а тут уж в ближнем бою у него было преимущество.

Только он собрался сдвинуться с места, как я со всей силы метнул в него нож. Как не трудно догадаться, я метил в его последний глаз, но то ли он дёрнулся в последний момент, то ли я криво кидаю, но мой нож разорвал ему левую щеку. Это остановило его рывок, я тут же кинул следующий нож, в этот раз я метил в правую ногу, и этот бросок попал как раз в цель. Он потерял равновесие и упал на колени.

– Давай, парень, он твой, – я услышал голос Отто.

Теперь понятно, почему стрелы больше не летели. Убежать вожак банды, бывший капитан одного из баронов, никуда уже не сможет. Я был всего в паре метров от него, он поднял голову, и посмотрел на меня взглядом, полным презрения и злобы. Что ж, я не питал к нему добрых чувств, этот человек убил очень много хороших людей, а меня так вообще был готов пустить на колбасу, если бы я не принёс тогда еды.

В принципе, мыслей у меня было не много, битва уже утихла в лагере, несколько дружинников, среди которых был и капитан, уже вышли к нам и всё прекрасно видели. Не знаю для чего, но я размотал свою маску-повязку, и показал Балану лицо его убийцы. У него был всего один глаз, но когда он меня узнал, его взгляд превратился просто в олицетворение ненависти и гнева. Он попытался что-то прохрипеть своим разорванным ртом, но я без задней мысли воткнул ему нож прямо в глаз. Может быть, получилось банально, но толпа возликовала.

Я тоже был рад, хотя не знаю, чему я радовался. Я только что убил ужасного человека, целая банда разбойников была уничтожена, чего тут горевать? О том, что я был одним из них ещё с час назад, я решил не думать. С другой стороны, у меня и времени-то не было, не успел я вытащить нож из глазницы врага, как капитан со всего размаху снёс ему голову.

– Отто, лови, пройдоха ты эдакий! – кинул ему голову капитан. – И как у вас ребята, это выходит? Мы тут столько времени проторчали и не смогли их найти.

– Мы не в первый раз помогаем солдатам выследить преступников, – сказал мне Отто, протягивая мне мой нож. – А зачем ты снял повязку?

– Пусть знает, кто его убил, отец ему подскажет на том свете, – печально сказал я.

Да уж, если они там встретятся, им и правда найдётся, о чем поговорить. Солдаты друг друга поздравляли с окончанием длительной охоты, обсуждали, что сделают первым делом по возвращению. Многие подходили и искренне благодарили Отто и его людей за помощь. Меня тоже несколько раз похвалили за хороший бросок. Кровь у Глазастого, как и он сам, была очень даже мерзкая, я потратил несколько минут на очищение ножа от неё.

Солдаты осматривали лагерь, собирали оружие павших, как своих, так и разбойников. Сразу нашли яму с краденым мясом. А больше в лагере ничего и не было ценного, уж я то знал. Вскоре, это поняли и солдаты, и разочарованно начали собираться домой.

– Отто, что с пацаном? – спросил вдруг один из охотников.

– А что с пацаном? – удивлённо спросил... интересно, как там у охотников за головами называется главный?

– Я его назад в деревню не поведу, нам в другую сторону. И нам явно не по пути с ним, – добавил первый.

– Разве ты не видел, как он метает ножи? – спросил соратника Отто. – Это ведь далеко не предел, видно, что учил его мастер, но совсем недолго. И посмотри на него, как он держится после своего первого убийства.

Да уж, первого. Видел бы ты, господин Отто, как я рыдал после своего действительно первого убийства.

– В любом случае это решать не тебе, – не унимался головорез.

– Так и не тебе. Для этого у нас есть голосование. А до этого, я отвечаю за мальчишку. Нечего нам тратить время попусту, дорога не близкая, – спокойно ответил мой новый, и похоже, настоящий друг.

– Я тоже думаю, что голосование всё решит. Более того, я намерен голосовать “за”, парень однозначно один из нас, – подал голос ещё один из охотников.

– Тьфу, пропасть, детей уже хотят принимать. Черт с вами, надеюсь, в лагере вас вразумят, – мужик был явно недоволен.

Собирать нам было нечего, так что мы пошли, не дожидаясь дружинников. Всё равно они не будут за нами поспевать. Я заметил, что Отто уложил голову Глазастого в мешок и пошёл, как ни в чем не бывало.

– А зачем тебе голова его? – поинтересовался я.

– А как я докажу заказчику, что дело сделано? Поэтому нас и называют охотниками за головами, – улыбнулся он. – Иногда просят принести личную вещь, или, по крайней мере, она может сгодиться, если с головой жертвы что-либо случилось.

Тут я вспомнил, как Торвальд разможил своим молотом голову второго брата-жиртреста, её и вправду уже не сочтёшь за доказательство.

– А кто мог заказать голову разбойника, пусть и не простого? – мне и вправду было очень интересно.

– Хе-хе, тот, кому она нужна, – ухмыльнулся он. – Этот был не только сам по себе ещё той ещё занозой в заднице. Главное, что он был сыном одного поистине легендарного бандита, хаданского ужаса Балифа.

Чего-чего? Какого там ужаса? Он что, говорит про Бороду? Отто заметил моё удивлённое и не менее любопытное лицо, так что продолжил:

– Балиф был самым известным бандитом в Хадане. В лагере я покажу тебе где это, у нас есть карта. Хадан далеко на западе отсюда, за Салодоном – он указал пальцем куда-то в сторону. – Там живёт очень суровый народ, среди которых кто сильнее – тот и прав. Главный у них – император Хасим, очень могущественный человек. А легендарный Балиф был лидером кочевых бандитов, всех, кто не согласен был с правлением императора.

Я слушал с неподдельным интересом. Кто бы мог подумать, что в нашей жалкой деревеньке живёт один из самых знаменитых бандитов запада! Вот бы знал я раньше, вообще не отходил бы от Бороды ни на шаг.

– Он был мятежником и вёл войну против императора очень долго, – продолжил рассказ Отто. – Ему было не больше лет, чем тебе, когда он впервые поднял бунт, убив своего хозяина.

– Хозяина? Это как? – головорез не переставал меня удивлять.

– У них там, в Хадане – свои законы. Все, кто являются врагами Хадана и его императора, считаются его рабами. В бою они стараются взять максимальное количество пленных, и используют их, как рабов. Таким способом они не только имеют бесплатную рабочую силу, но и показывают своё могущество врагам, что вскоре все они станут рабами Хадана. Ну, в общем, как-то так, я не знаю, как тебе объяснить поточнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.